

ВЛАДИКАВКАЗСКІА.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ВЫХОДЯТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ).

XXI годъ
изданія.

1915 г. 15 Мая

№ 10.

Цѣна годового изданія пять
руб., а одного номера 25 коп.
съ пересылкой.

АДРЕСЪ. Гор. Владикавказъ.
Редакція Епархіальныхъ Вѣ-
домостей.

Официальная часть.

Распоряженія Святѣйшаго Синода.

Открытие новаго причта.

Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 20-го апрѣля 1915 года за № 5205 на имя Преосвященнаго Антонина, Епископа Владикавказскаго и Моздокскаго, дано знать, что при Кисловодскомъ соборѣ открыть третій штатъ причта въ составѣ священника и псаломщика, съ отнесениемъ содержанія сего причта на мѣстныя средства. Мая 12 дня 1915 года.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Назначенія и перемѣщенія

Перемѣщены: священникъ Кизлярскаго собора Леонасій Дышлевой—въ слоб. Хасавъ-Юртъ на второе священническое мѣсто—21 апрѣля.

Священникъ урочища Дешлагарь Іоаннъ Свѣтовъ—въ с. Брянское, согласно прошенію—7 мая.

Священникъ с. Алексѣевского, Дагестанской области, Порфирій Уриловъ—въ урочище Дешлагарь—7 мая.

Священникъ ст. Лысогорской Павелъ Свавицкій—въ ст. Ардонскую—7 мая.

Священникъ ст. Ардонской Василій Грушевскій въ ст. Лысогорскую, для пользы службы—7 мая.

Священникъ с. Колюбакинскаго Константинъ Богуславскій—къ Грозненской женской общинѣ—7 мая.

Назначены: священникъ церкви сл. Хасавъ Юртъ Василій Дробышевъ—настоятелемъ той же церкви согласно прошенію—21 апрѣля.

Сверхштатный священникъ Николаевской церкви ст. Эссентукской Николай Лавровъ—штатнымъ священникомъ той же церкви—10 апрѣля.

Опредѣлены: пѣвчій Петроградскаго Исаакіевского кафедральнаго собора Власій Долговъ—на діаконское мѣсто въ станицу Сунженскую—21 апрѣля.

Оканчивающій курсъ Александровской духовной семинаріи Левъ Загайкевичъ—псаломщикомъ къ Кисловодскому собору—5 мая.

Утвержденъ: и. д. псаломщика с. Ново-Владимировскаго Стефанъ Кропивянскій—въ должности псаломщика—21 апрѣля.

Архипастырское благословеніе.

Преподано Архипастырское благословеніе съ выдачею грамоты: церковному старостѣ с. Малой Арешевки крестьянину Науму Андрееву Семенову за пожертвованіе въ мѣстную церковь напрестольнаго серебрянаго креста въ 103 р.

Жителю гор. Новороссійска Филиппу Давыдову Ключниченко за пожертвованіе имъ въ церковь станицы Солдатской большаго напрестольнаго Евангелія въ серебро-позлащенной оправѣ, стоимостью свыше 100 р.

Присоединенія къ Православной Церкви.

Присоединены къ Православной Церкви: Причтомъ Пятигорскаго Спасскаго собора 14 марта 1915 г. чрезъ Таинство Св. Миропомазанія изъ римско-католическаго исповѣданія дворянинъ Подольской губ. Михаилъ — Казиміръ Феликсовъ Добржанскій 40 л. съ сохраненіемъ прежняго имени „Михаилъ“ и дѣти его Эдуардъ Карлъ — Михайловъ — Казиміровъ 15 л., съ нареченіемъ ему имени „Ерастъ“, Вильгельмъ — Александръ Михайловъ — Казиміровъ 7 л. съ нареченіемъ ему имени „Виталій“ и Регина Анна Михайлова — Казимірова 10 лѣтъ съ нареченіемъ ей имени „Ирина“ изъ лютеранскаго исповѣданія.

Причтомъ церкви Грозненскихъ нефтяныхъ промысловъ 10-го апрѣля 1915 г. чрезъ Таинство Св. Миропомазанія казакъ ст. Калиновской Пимень Никитовъ Гладковъ 18 л., состоящій въ расколѣ Австрійской лже-іерархіи, съ сохраненіемъ прежняго имени „Пимень“.

Причтомъ церкви селенія Кадгаронъ 19 января 1915 г. чрезъ таинство св. Крещенія дочь — жителя с. Ногъ-Кау Дадигка Демурова изъ магометанства, съ нареченіемъ ей имени „Александра“.

Письмо командующаго 2-мъ Горско-Моздокскимъ полкомъ Терскаго Казачьяго войска на имя Его Преосвященства.

Ваше Преосвященство!

Принявъ съ благоговѣніемъ присланные Вашимъ Преосвященствомъ образки и книги, я, Г. г. офицеры и нижніе чины полка просимъ принять нашу искреннюю благодарность за Ваши пастырскія заботы о насъ.

Испрашивая Вашего благословенія на дальнѣйшіе ратные подвиги, поручаю себя и чиновъ полка Вашимъ праведнымъ молитвамъ

Ив. Колесниковъ.

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Жизнехкость христiанскаго нравственнаго идеала при его безкохечности.

Послѣднимъ словомъ Христа въ изображеніи имъ нравственнаго идеала для своихъ послѣдователей является его святой завѣтъ: „будите убо вы совершени, якоже отецъ вашъ небесный совершенъ есть“ (Матв. V, 48). Въ этомъ изрѣченіи Божественный учитель поставляетъ конечную цѣлью и послѣдней ступенью восхожденія своего ученика по лѣстницѣ нравственнаго совершенства недостижимый для него образъ совершенствъ Божіихъ. Но этимъ однако онъ ни-чуть не умаляетъ той жизненной силы, которая присуща христiанскому идеалу, какъ идеалу истиннаго и чистаго ученія о Богѣ и человѣкѣ. Послѣднее было бы лишь въ томъ случаѣ, если бы христiанскій идеаль, простирающійся въ безконечность, во-первыхъ шель въ разрѣзъ съ истинными стремленіями духа человѣческаго и не отвѣчалъ его кореннымъ порывамъ, во-вторыхъ, — если бы, не смотря на всѣ усилія чяловѣка къ его достиженію, онъ оставался бы для него только видимымъ, призрачнымъ и кажущимся бытіемъ.

Но духъ человѣка, какъ созданный по образу и подобию Божію (Быт. I. 26), сродень съ Божественною природою и носить въ себѣ зачатки духа Божественнаго. Поэтому-то и истинное назначеніе человѣка и истинная цѣль бытія его, въ достиженіи которой онъ и найдетъ только истинную жизнь, есть ничто иное, какъ возвышеніе своего богоподобнаго духа до его Первообраза, иначе обоженіе человѣка чрезъ усвоеніе имъ жизни Божественной, чрезъ сродство съ Богомъ по духу своему. Человѣкъ настолько и живетъ

истинно, насколько опытом своей духовной жизни сдѣлался способенъ быть въ единеніи съ Богомъ, созерцать его славу и находить въ созерцаніи ея для себя полное успокоеніе.

Прародительскій грѣхъ, хотя и разстроилъ духовныя силы человѣка, но не уничтожилъ въ немъ стремленія къ Божественному духу. Вотъ почему даже наука—лучшее и благороднѣйшее изъ всѣхъ занятій, какія только можетъ имѣть человѣкъ въ продолженіи своей жизни, внѣ спасительной вѣры Христовой, не можетъ удовлетворить порывовъ духа человѣческаго къ высокому. Оно, дѣйствительно, расширяетъ кругъ нашихъ умственныхъ представленій, привноситъ нѣкоторый свѣтъ въ душу, облагораживаетъ его и возвышаетъ надъ областію чуждой и не сродной для нея земной вещественности; но такъ какъ ею не достигается главная цѣль нашего духа, не преобразуется и не пересоздается наша природа, намъ не отверзается входъ въ міръ духовный и мы не поставляемся въ единеніе съ Богомъ, то человѣкъ, и послѣ изученія всѣхъ тайнъ, обыкновенной мудрости, остается все-же съ мучительнымъ сознаниемъ своей неудовлетворенности. При свѣтѣ пріобрѣтенныхъ знаній, онъ только яснѣе видитъ пустоту того, что его окружаетъ, живѣе чувствуетъ свое отпаданіе и удаленіе отъ источника жизни, грустнѣе сознаетъ свое одиночество и забытость въ мірѣ, въ которомъ нѣтъ истиннаго предмета, соответствующаго его сердцу.

Христіанскій идеаль—идеаль высочайшій и совершеннѣйшій изъ всѣхъ религіозно-нравственныхъ идеаловъ, какіе были и есть, не исключая и изложеннаго въ Божественномъ законѣ Моисеевомъ—Еврейскаго, и является полнымъ отвѣтомъ на всѣ запросы безконечнаго въ своихъ стремленіяхъ человѣческаго духа.

Здѣсь уму человѣческому предложено познать истину, которая освободитъ его отъ ложныхъ представленій и понятій о ней, навѣянныхъ ему суетной и мірской жизнію

(Іоан. VIII, 32); и онъ свободный отъ мірской суеты вознесетъ на небо, гдѣ уже „не гадательно“ будетъ судить объ источникѣ бытія и жизни, но „лицомъ къ лицу“ увидитъ Того, къ Кому стремился въ продолженіи своего бытія на землѣ (1 Кор. XIII, 12).

Волѣ человѣка повелѣно любить добро и дѣлать его не по корыстнымъ побужденіемъ, но во имя самого добра, въ которомъ вся жизнь и сила души, взирая на недостижимый для нея идеаль любви и добра, „на Начальника и Совершителя вѣры, Іисуса“ (Евр. XII, 2), Который Одинъ только во всемъ совершенствѣ исполнилъ волю Божию и предъ Которымъ всѣ святые, даже великіе святые, суть только свѣтильники предъ солнцемъ. А изстрадавшемуся отъ земныхъ скорбей и изболѣвшемуся среди лишеній человѣческому сердцу въ христіанствѣ и здѣсь—на землѣ—обѣщается возможное успокоеніе въ напастяхъ, а тамъ—на небѣ—такое блаженство, „какою не видѣлъ глазъ, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человѣку“ (1 Кор. II, 9).

И Христось, поставляя послѣднюю ступень идеала для своего ученика въ недоступномъ для него равенствѣ съ Богомъ, шель только навстрѣчу духу человѣческому, такъ какъ конечныя существа стремятся и ищутъ Безконечнаго, Которое влечетъ ихъ къ Себѣ Своею безконечностью и въ Которомъ единственно ихъ истинная жизнь. Безконечная святость Божія, къ которой призванъ и самъ человѣкъ, является для него самымъ сильнымъ побужденіемъ въ стремленіи къ совершенству, хотя онъ никогда не въ силахъ будетъ обнять ее сполна. Да и что было бы съ духомъ человѣка, если бы конечный идеаль нравственнаго совершенства былъ достижимъ для него? Исполнивъ все требуемое, куда устремился бы онъ, на чемъ остановился бы? Вотъ почему и Христось, изображая въ „Нагорной бесѣдѣ“ постепенную лѣстницу христіанскихъ добродѣтелей, не полагаетъ ей опредѣленнаго конца, а лишь убѣждаетъ слушате-

лей къ безконечному совершенствованію: „будите убо вы совершени, якоже Отецъ Вашъ небесный совершенъ есть (Мате V, 48)“. И только въ вѣчномъ стремленіи къ осуществленію сего недостижимаго идеала человекъ и находитъ истинную жизнь, которая радуеть и наполняетъ блаженствомъ все его существо.

Поставивъ высокій идеаль для своего ученика, Христось не оставляетъ его одинокимъ въ стремленіяхъ къ тому, чего своими собственнымъ силами онъ не можетъ достигнуть.

Своимъ пришествіемъ на землю и воплощеніемъ Онъ приобщился къ намъ, чтобы чрезъ то соединить съ Богомъ приобщающихся къ Нему вѣрою и освятить въ надеждѣ будущей славы. Своею святою жизнью, полною любви къ Богу Отцу и самоотверженія по отношенію къ человеку, Онъ исполнилъ на Себѣ тотъ идеаль, который предложилъ и Своимъ послѣдователямъ. Своими страданіями и крестною смертію Онъ освободилъ ихъ отъ тяготѣвшаго надъ ними рабства грѣху и діаволу и, такимъ образомъ, примиривъ ихъ съ Богомъ, сдѣлалъ для нихъ доступнымъ по указанному Имъ нравственному пути достиженіе общенія съ Богомъ, соединеніе съ Источникомъ жизни. А Своимъ воскресеніемъ и славнымъ вознесеніемъ, разрушивъ смерть, спосадилъ Собою человѣческое естество одесную Бога, показавъ, что и истинные Его послѣдователи также могутъ войти въ единеніе съ Богомъ, если будутъ того достойны. На землю, въ помощь людямъ, Онъ послалъ отъ Отца Духа Святаго, Который и даруеть человеку всѣ благодатныя силы къ жизни и благочестію, къ возможному достиженію имъ того идеала, который поставилъ для него Божественный Учитель. Отсюда, хотя и безконеченъ христіанскій идеаль, но человекъ можетъ въ постепенномъ его достиженіи находить истинную жизнь, потому что онъ ведетъ къ Богу, въ Которомъ все для человека, — и жизнь, и радость, и блаженство. И, дѣйствительно, человекъ, призванный къ благодатной жиз-

ни и по мѣрѣ силъ старающійся въ поведеніи своемъ осуществлять святыя завѣты Господа, не знаетъ скорби, происходящей отъ пустоты и безсодержательности жизни. Его послѣдній идеаль скрывается въ лонѣ Божества, откуда для него сверхъестественно, чрезъ вѣру во Христа, течетъ истинная, жизнь, которая содержитъ въ себѣ силу существенную, какъ существенно бытіе Самого Бога. Онъ постоянно видитъ Его предъ собою; ясно и внятно говоритъ о Немъ его сердцу всякая вещь своимъ бытіемъ. При такомъ настроеніи дѣятельность человѣка всецѣло направляется къ очищенію и возвышенію внутренняго существа своего, которое было бы способно къ соединенію съ Богомъ; поэтому она не преходитъ и не теряется во времени, но такъ же пребываетъ вѣчно, какъ вѣченъ самый духъ нашъ, въ глубинѣ котораго скрываются всѣ благія сокровища. Начало ея полагается въ таинствѣ крещенія, гдѣ человѣкъ какъ бы всего себя предаетъ и предноситъ въ разумную жертву Богу. Онъ исповѣдуетъ Христу свое безсиліе выйти изъ плѣна діаволу и грѣху, сознается въ своей духовной немощи и худости. Съ дерзновеніемъ, онъ завѣряетъ Христа, что только на Него Единого уповаешь, Имъ обѣщается жить съ этого времени, отрицаясь отъ сатаны и всѣхъ дѣлъ его. Съ этого времени онъ начинаетъ совершенно новую жизнь. Правда, и по выходѣ изъ этой благодатной возрождающей купели, онъ не становится совершенно свободнымъ отъ прирожденныхъ немощей и несовершенствъ, но, не смотря однако на все это, надъ нимъ совершена великая тайна Божія; въ немъ зачался сверхъестественно внутренній человѣкъ, который, съ теченіемъ лѣтъ и времени, подъ этой немощью плоти будетъ возрастать и укрѣпляться. И онъ, хотя наравнѣ съ другими проходитъ поприще земной жизни, занимаясь трудами, необходимыми для продолженія ея, но главнымъ образомъ направляетъ свою дѣятельность внутрь себя, Его мало интересуютъ земная суета и житейскія радости—предметъ желанія

и счастья большинства его окружающих; у него одна забота на сердце, — как бы выйти из этой области тли и мрака, углубить свой умъ въ познаніе Единого истиннаго Бога и посланнаго Имъ Іисуса Христа, какъ бы пересоздать и претворить свой духъ, омраченный грѣхомъ, Онъ хорошо сознаетъ, что хотя Христосъ и принялъ нашу немощную плоть, но плоть чистую отъ страстей и пороковъ; поэтому и въ единеніе съ Богомъ приведетъ только достойное сего. Ибо, какъ подобное признается и познается подобнымъ, такъ и высокое усваивается высокимъ или, по крайней мѣрѣ, имѣющимъ эту высоту въ себѣ, какъ стремленіе. И человекъ еще глубже вникаетъ въ сущность евангельскаго закона, въ которомъ для него открываются все новыя и новыя совершенства, еще съ большимъ рвеніемъ и любовію исполняетъ Христовы заповѣди. Онъ смотритъ на безконечный совершенствами образъ Христа и стремится подражать Ему, потому что, знаетъ, что „какъ желающему сблизиться съ кѣмъ — либо должно подражать его, нраву, такъ и душѣ, желающей быть невѣстой Христа необходимо по возможности уподобляться красотѣ Христовой“ (Св. Григорій Нисскій). И онъ живетъ, живетъ истинною жизнію, потому что приближается ко Христу, который есть для истинно вѣрующаго „и путь, и истина, и жизнь“ (Іоан. XIV, 6)“. Въ таинствѣ покаянія онъ очищается отъ грѣховъ, и уже чистый приступаетъ къ Христовой трапезѣ, которую Христосъ для того и предложилъ, чтобы вѣрующіе, вкушая ее, могли тѣснѣйшимъ образомъ соединиться съ Нимъ, Своимъ Спасителемъ, а чрезъ Него и съ Богомъ Отцомъ и со Св. Духомъ, со Святой Троицей, „чрезъ общеніе съ которой блаженны и сами Ангелы“. Въ этомъ святомъ таинствѣ онъ получаетъ истинную жизнь, по слову Христа: „ядый Мою плоть, и пійй Мою кровь, имать животъ вѣчный“ (Іоан. VI, 54). Человекъ становится близкимъ роднымъ Христу, „ибо если, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, Христосъ

есть Сынъ Божій и ты въ Него облeкся (въ Евхаристіи), имѣешь Сына въ себѣ самомъ и ему уподобился; то ты приведенъ въ одно съ Нимъ родство и въ тотъ же образъ“.

Такимъ образомъ, и достигаетъ христіанинъ духовнаго просвѣтленія своего существа чрезъ внутренне приобщеніе ко Христу и, находя въ этомъ истинную жизнь, съ неутомимою ревностію устремляется все выше и выше. Идеаль безконечнаго совершенства все яснѣе и яснѣе обрисовывается въ его сознаніи и его жизненность и сила все ошутительнѣе становятся для него. Онъ возвышается надъ всѣми немощами, оживотворяемый Христомъ, и получаетъ отъ Него тѣ чрезвычайные дары благодати, которые Господь подаетъ любящимъ Его.

Въ немъ обнаруживается или духъ премудрости и разума, или духъ вѣдѣнія и совѣта, или духъ силы и крѣпости, или духъ благочестія и страха Божія. Этими высокими дарами начинаетъ онъ радовать другихъ и служить имъ на пользу. Токи Божественной жизни, какъ бы не вмѣщаясь въ немъ, начинаютъ изливаться на все окружающее. И онъ въ своей дѣятельности становится подобнымъ Христу, Утѣшителю скорбящихъ, Защитнику невинныхъ, Врачу душъ и тѣлесъ человѣческихъ, Истинному Исполнителю воли Божіей, Проповѣднику свѣта и правды. И св. апостоль Павелъ, обладавшій всѣми указанными дарами благодати, уже называетъ себя подобнымъ Христу, когда, увѣщевая Каринейчъ, говорить: „подобни мнѣ бывайте, якоже азъ Христу (1 Кор. IV, 16)“. Его жизнь по евангельскому идеалу имѣла въ себѣ столько полноты и духовнаго блаженства, что онъ съ дерзновеніемъ завѣряетъ: „извѣстихся бо, яко ни смерть, ни животъ, ни ангели, ни начала, ниже силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина тѣва въ кая возможе тѣ насъ разлучити отъ любви Божія, яже о Христвъ Іисустъ Господь Нашемъ (Римл. VIII, 38—39)“. Такъ, въ союзѣ со Христомъ, и растетъ христіанинъ въ

новую жизнь, поднимаясь все выше и выше по безконечной лѣстницѣ христіанскаго совершенства.

Но земная жизнь, по ученію Христа, какъ бы высока она ни была, есть только приготовленіе къ другой высшей и совершеннѣйшей жизни, имѣющей открыться за гробомъ. Все, что имѣетъ христіанинъ теперь, есть только залогъ его будущаго совершенства. Все добро, которымъ украшается онъ здѣсь на землѣ,—только отблескъ той святости, которою онъ возсіяетъ на небѣ. Мы только отчасти чувствуемъ теперь дѣйствіе плодовъ нашего совершенства, отчасти наслаждаемся сладостью ихъ. Во всей силѣ божественная жизнь откроется для насъ, когда исполнится число дней земной жизни нашей и когда мы перейдемъ въ міръ блаженныхъ духовъ. Тамъ для людей, имѣющихъ въ себѣ зачатки божественнаго совершенства, и начнется новая блаженнѣйшая жизнь. И св. апостоль Павель, какъ ни высоко и ни полно истинной жизни было его пребываніе на землѣ, всетаки *„имѣлъ желаніе разрѣшиться и быть со Христомъ (Филип. I, 23)“*, потому что въ Немъ Одномъ полагалъ свою жизнь, въ Его славѣ, величій и общеніи съ Нимъ,—Животомъ всяческихъ. Тамъ христіанинъ болѣе и болѣе будетъ усовершенываться въ безусловномъ повиновеніи Богу и въ нравственномъ уподобленіи Ему: *„возлюбленіи, нынѣ чада Божія есмь“*, Говоритъ Св. Іоаннъ Богословъ, *„и не уявится, что будемъ: вѣмъ же, яко, егда явится, подобни Ему будемъ, ибо узримъ Его, яко-же есть (I Іоан. III, 2)“*; для праведнаго—все болѣе и болѣе будетъ открываться сладость жизни совершеннѣйшей.

Такъ, христіанскій идеаль безконечнаго совершенствованія, отвѣчая на запросы духа человѣческаго, не призрачнымъ дѣлаетъ его стремленія къ совершенству, но приводитъ въ дѣйствительное общеніе съ Богомъ, гдѣ духъ чело-вѣка и находитъ полное удовлетвореніе своимъ порывамъ, ибо онъ, хотя и не доходитъ до равенства съ Богомъ, но

всетаки возвращается къ Источнику жизни—Богу, „Иже и даде ею (Екклес. XII, 7).“

Свящ. А. Богоявленскій.

Поученіе

на день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича*)

Міровая война, въ которую вовлекли враги родину нашу, чтобы сокрушить мощь ея и разорить достояніе ея, устройствомъ Промысла Божія обращается въ могущественное средство обновленія и возрожденія народнаго и освобожденія изъ рабства духовнаго, и матеріальнаго, въ какомъ долгіе годы держали ее враги ея.

Геній великаго Петра съ высоты царскаго престола прозрѣвалъ въ даль время, закрытую мракомъ для обыкновеннаго смертнаго, и ему открылись по волѣ Божіей судьбы нашей родины.

Горя однимъ желаніемъ возвеличить Россію, сдѣлать ее счастливой, Царь видѣлъ, что царство его не будетъ могущественнымъ и счастливымъ, если силы его не будутъ самодѣтельными, неустанными строителями его.

Но чтобы быть такими строителями, нужно сознать, какъ цѣли строительства, такъ и вѣрный путь, равно и владѣть средствами, которыя наилучшимъ образомъ помогаютъ осуществить намѣченное. Нужны знанія, нужно умѣнье. И вотъ Царь властною рукою насаждаетъ просвѣщеніе и создаетъ разнообразныя учрежденія, въ которыхъ русскіе могутъ найти практическое примѣненіе разнообразныхъ знаній.

*) Произнесено во Владикавказскомъ Каедральномъ соборѣ за литургію 6 мая 1915 года.

Видя, что на родинѣ нѣтъ людей, подготовленныхъ къ выполненію его начинаній, онъ вызываетъ ихъ изъ за границы; онъ даетъ имъ богатое содержаніе, не скупится на награды; но онъ признаетъ ихъ только приставниками, учителями, мастерами; но онъ вовсе не хочетъ, чтобы они были господами. Завѣтная его мечта — поскорѣй освободить народъ отъ чужеземныхъ учителей; завѣтное его желаніе — видѣть на разнообразныхъ поприщахъ дѣятельности своихъ подданныхъ и руководителями и работниками.

Намѣренія цря были поняты немногими, и въ то время какъ одни съ упорствомъ проливодѣйствовали царю, другіе — громадное большинство лѣнныя мыслию и волею, подчинились пришельцамъ и отдали себя въ служеніе имъ, отдали и душу и свое достояніе.

Надъ русской землей нависло рабство, которое сковало силы народныя и подчинило великій богато одаренной отъ природы, много-милліонный народъ народу чуждому. Порабощеніе было такъ сильно, рабство такъ вѣлось, что когда подъ воздѣйствіемъ, шедшимъ съ высоты Престола, появились изъ среды русскаго народа люди, которыя стали проповѣдывать освобожденіе своего народа отъ поработителей, они встрѣтили у поработанныхъ насмѣшку и презрѣніе.

Нуженъ былъ громъ небесный, чтобы возбудить усыпленную совѣсть. И громъ грянулъ. Грохотъ пушекъ, стонъ тысячей загубленныхъ жизней заставилъ открыть глаза; духъ пробудился, и у русскаго народа явилось страстное желаніе освободиться отъ засилья германцевъ, которые проникли во всѣ области жизни русской.

Но, вѣдь, и у разслабленнаго при общей купели было сильное желаніе стать здоровымъ, тѣмъ не менѣе онъ 38 лѣтъ пролежалъ на постели своей: недугъ не позволялъ ему во время коснуться цѣлебноносной воды, и еслибы небесный Цѣлитель не пришелъ съ Своею благодатною помощію, то

почемъ знать? взялъ-ли бы когда разслабленный свой бодръ и пошелъ ли бы въ домъ свой? Такъ и силы русскаго народа сковываль тяжелый недугъ, и не приди къ нему родной Царь на помощь, страшный недугъ продолжалъ бы сковывать его могучія крылья и не далъ бы ему высвободиться изъ тяжкихъ цѣпей, въ которыхъ держали его чужеземцы. Теперь корень болѣзни подсѣченъ по манію Царя, зеленый змій сраженъ, ядъ не будетъ одурманивать сознание, подтачивать физическое здоровье и разрушать матеріальное благосостояніе народа. Теперь съ просвѣтленнымъ взоромъ, съ твердой волей народъ можетъ развернуть во всю ширь свои могучія силы.

Но достанетъ ли у него энергіи, настойчивости довести до конца великое дѣло своего освобожденія и возрожденія?

Исторія наша, литература наша свидѣтельствуютъ, что въ минуты высокаго подъема духа русскій народъ можетъ преодолѣть такія препятствія, которыя не подъ силу другому народу; но за такими приливами слѣдуютъ длительные отливы; могучая энергія смѣняется продолжительною вялостью и бодрствованіе уступаетъ мѣсто сну.

Ужели это повторится и теперь? Ужели сотни тысячъ человѣческихъ жизней, принесенныхъ въ жертву на алтарь роины, не въ силахъ заставить отказаться отъ привитой намъ порабощеніемъ неустойчивости?

Ко многому русскій человѣкъ можетъ отнестись невнимательно, многое можетъ не затронуть его; но голосъ жертвы, голосъ страданія, раздавайся онъ изъ груди врага, не останется не услышаннымъ: сердце русское чутко къ страданію. Не останутся безплодными и принесенныя для его блага жертвы, за это ручается та великая сила, которая въ тысячахъ сказалась нынѣ, заставивъ ихъ пренебречь своимъ положеніемъ, досугомъ, здоровьемъ, чтобы пособить героямъ—страдальцамъ, потерпѣвшимъ на поляхъ битвы, и та спокойная настойчивость, съ какою совершается это великое дѣло.

Надъ русской землей загорѣлась заря бодрого неусыпнаго дѣланія. Повсюду раздается кличь; зовущій къ дружной упорной работѣ на благо родины, и этотъ кличь не въ мертвомъ царствѣ раздается; его слышать милліоны, радостно отзываются на него, и на народную ниву выступаютъ работники.

Благослови, Господи начало великаго подвига, утверди и укрѣпи духъ народа, да осѣняемый Твоею всемогущею благодатію создастъ онъ на родимой землѣ царство, подъ водительствомъ своего Верховнаго вождя, крѣпкое, царство свѣтлое, царство самобытное на многія и многія лѣта. Аминь.

Проіерей Іоаннъ Завитаевъ.

ПѢСНЯ.

Споемъ мы пѣснь про Русь святую,

Споемъ про подвиги ея—

Въ юдину тѣдную лихую

Живетъ она, войну неся.

*
*
*

Ее оружьемъ устѣшая,

Всѣ три державы съ трехъ боковъ:

Теснятъ кольцою, не прерывая

На фронтъ длинною нитью полковъ

*
*
*

Но нѣтъ, не могутъ три державы

Святую Русь кольцою сковать—

Полки Россіи слѣва, справа

Кольцо то стали разывать.

*
*
*

Бьютъ германцы, турки, швабы,

Бросая все, въ добычу намъ—

Сопротивляться значитъ слабы

Російскимъ доблестнымъ полкамъ.

*
*
*

*Ну Русь святая, крепко стой,
Небесному молись Отцу,
Надеждой вдохновясь святой,
Веди побѣды всю къ концу.*

*Нашъ врагъ началъ ослабѣвать,
Последнiя собираетъ силы.
Такъ мы не будемъ ужъ звать—,
Заонимъ разомъ ихъ въ моилы.*

Ура, Ура, Ура!!!

С. К.

Религіозная жизнь на войнѣ.

Боислуженіе.

Совершить службу на походѣ далеко не всегда бываетъ легко, рассказываетъ членъ Государственной Думы протоіерей Ф. Д. Филоненко, дивизионный благочинный, работающій въ центрѣ нашего расположенія 9-го августа я прибылъ въ полкъ и до 29-го не могъ раскрыть своего церковнаго ящика съ образами и облаченіемъ: все время мы были въ движеніи.

29 августа была первая дневка. Пришли ночью. Утромъ собрались отслужить панихиду по убитыхъ и молебень о дарованіи побѣды. Въ облаченіи я повернулся къ молящимся, чтобы сказать всего нѣсколько словъ, — и вынужденъ былъ сказать цѣлую проповѣдь: мои слушатели — и офицеры и солдаты, такъ жадно приникли къ слову, что я былъ совершенно захваченъ этой жаждой и ограничиться нѣсколькими словами было невозможно. Молились горячо. Пѣли любители изъ солдатъ, а нѣкоторые пѣснопѣнiя — „Со святыми упокой“, напимѣръ, или „Вѣчная память“ — подхватывалъ тысячеголосный хоръ.

30-го утромъ я служилъ литургію. Походнаго храма-па-

латки у меня нѣтъ, и храмомъ служить то „столь“ (рига, клуня), то дерево съ шатромъ своихъ вѣтвей, то изба. Службу пришлось совершать на тотъ разъ подъ деревомъ. Солдаты съ большой готовностью и любовью соорудили навѣсъ, прикрѣпивъ къ вѣтвямъ дерева еловые вѣтки. Образа и мое облаченіе были прикрыты отъ дождя, а богомольцы мои всю службу съ непокрытыми головами простояли подъ дождемъ. Иконы были установлены на нижнихъ сучьяхъ дерева, и тамъ же прикрѣплены зажжонныя восковыя свѣчи. Очень ихъ любятъ солдаты. Ставятъ съ огромнымъ усердіемъ и огорчаются, когда запасъ ихъ бываетъ исчерпанъ.

Я просилъ военное начальство не принуждать солдатъ къ посѣщенію службы, но уклоняющихся не было. Скажу болѣе: среди солдатъ той части, гдѣ я служу, много южанъ — херсонцевъ, тавричанъ, кіевлянъ. Въ этихъ губерніяхъ сильно распространено сектанство. Однако, я не видѣлъ сектанскихъ проявленій въ войскахъ. Никто не уклонился отъ того, чтобы подойти приложиться ко кресту и евангелію, никто не отказывался отъ исповѣди и причастія. Пользуясь службой, я раздавалъ крестики, евангелія, образки, религіозныя книжки: брали очень охотно, а если на всѣхъ не хватало, то неполучившіе обязательно потомъ приходили ко мнѣ и просили дать и имъ.

Наканунъ Рождества всенощную пришлось совершать въ пустой избѣ. Она стояла неподалеку, около полуразрушеннаго помѣщичьяго дома, кототый австрійцы считали совсѣмъ разбитымъ. Но одна половина его уцѣлѣла, и въ ней жили офицеры. Солдаты убрали избу елочками, поставили образа, и очень стройно пропѣли всенощную. „Рождество Твое, Христе Боже нашъ“ подхватила вся масса молившихся солдатъ, плотно обступившихъ избу. По окончаніи всенощной, всѣ снова пропѣли тропарь праздника, потомъ „Боже Царя храни“ и закончили такимъ бодримъ „ура“, что должно быть, и въ, австрійскихъ окопахъ, находившихся отъ

насъ верстахъ въ пяти, было слышно. По крайней мѣрѣ, ихъ прожекторы стали ощупывать мѣстность, и взвилось нѣсколько свѣтящихся ракетъ, но стрѣлять они не стали.

Нѣсколько времени спустя эта изба была разнесена въ щепы австрійскими снарядами, причемъ погибло четверо солдатъ.

Черезъ день мы обошли съ молитвой окопы. Встрѣтили насъ съ величайшей радостью. Я шелъ въ епитрахили съ крестомъ. Кучка солдатъ—человѣкъ десять—исполняла обязанности пѣвчихъ. Пѣніе тропаря „Рождество Твое“... подхватывали всѣ и пѣли съ такимъ воодушевленіемъ, что приходилось останавливать, чтобы пѣли тише: австрійцы на звуки пѣснопѣній направляли выстрѣлы.

—У насъ на Руси обычай теперь обходить дома съ молитвой, вотъ и я къ вамъ пришелъ—говорю я солдатамъ.

—Покорнѣйше благодаримъ, батюшка, спасибо, благословите...

Никто не отошелъ въ сторону: всѣ подошли ко кресту и каждый хотѣлъ сказать, а главное услышать нѣсколько словъ.

Послѣ посѣщенія окоповъ я замѣтилъ особое проявленіе близости, довѣрія и вниманія со стороны офицеровъ и солдатъ.

Общая исповѣдь.

При большомъ числѣ людей и краткости времени, какое бываетъ въ распоряженіи священника единоличная исповѣдь весьма затруднительна. Практикуется общая исповѣдь. Устраивается это такъ: во время литургіи, когда причащается священникъ, говѣльщикамъ читаются молитвы передъ исповѣдью. Затѣмъ я обращаюсь къ нимъ съ краткимъ поясненіемъ смысла совершаемаго таинства, читаю молитву и начинаю, называя грѣхи, ставить вопросъ: каетесь ли? Спрашиваю сперва о самыхъ обычныхъ грѣхахъ—непочтенія къ родителямъ и т. п., перехожу къ болѣе глубокимъ и нако-

нецъ къ грѣхамъ, связаннымъ съ военной обстановкой. Сперва слышны спокойные отвѣты: каемся. Потомъ настроеніе повышается, слышно волненіе въ звукахъ голосовъ, сверкаютъ слезы на глазахъ, наконецъ, раздаются всхлипыванія и даже рыданія.

Закончивъ вопросы, я поднимаю надъ исповѣдающимися епитрахиль. Вся масса какъ одинъ человекъ опускается на колѣни безъ всякаго приглашенія, я читаю разрѣшительную молитву и причащаю всѣхъ. Подходятъ съ большимъ благоговѣніемъ, уходятъ отъ причастія умиленные и спокойные. Это замѣтилъ не только я, но все военное начальство.

Помимо общей исповѣди многіе обращаются съ просьбой поисповѣдывать ихъ отдѣльно. Особенное изобиліе такихъ исповѣдниковъ у одного недавно назначеннаго къ намъ священника, служившаго раньше въ селѣ. Когда онъ появился, кое-кто изъ офицеровъ, а въ особенности докторскій персоналъ, посмотрѣли на него косо, и приходилось слышать замѣчанія, — зачѣмъ назначаютъ въ армію такихъ ужъ слишкомъ „сѣрыхъ“ священниковъ. Но прошло немного времени, — и стали говорить другое: около этого батюшки постоянный солдатскій муравейникъ. Возится онъ съ солдатами съ утра до ночи и съ ночи до утра: служить молебны съ акаѳистами, исповѣдуетъ, бесѣдуетъ и отъ приходящихъ къ нему отбою нѣтъ. Стали „сѣренькаго“ батю уважать не только солдаты, но и тѣ, кто готовъ былъ его осудить за деревенскую невзрачность.

Пастыри и пасомые.

Нужно, впрочемъ, сказать, что общее отношеніе и офицеровъ и солдатъ къ священникамъ прекрасное: вѣжливое, предупредительное и заботливое. Я это почувствовалъ и увидѣлъ съ первой минуты. Не могу забыть какъ сердито прогнали съ позиціи и долго корили за неосторожность: въ одномъ изъ первыхъ боевъ я по неопытности подошелъ къ

раненымъ, лежавшимъ еще въ полѣ, но въ такомъ мѣстѣ, которое было подъ сильнѣйшимъ обстрѣломъ. Выстрѣлы я слышалъ, но ихъ такъ много кругомъ, и куда они направлены, я не умѣлъ опредѣлить. На меня закричали со всѣхъ сторонъ и заставили уйти прочь. Потомъ я научился понимать, что значить свистъ пуль, и не скажу, чтобы онъ мнѣ доставлялъ удовольствіе. Я не забуду какъ мы ночью хоронили убитыхъ, а я, чтобы видѣть лицо покойника, нажалъ кнопку электрическаго фонарика. Ту же минуту надъ головой раздалось „дзз“, „дзз“. Я фонарикъ поскорѣе спряталъ и дальше отпѣвалъ въ темнотѣ.

Я очень люблю движеніе и на походѣ предпочитаю идти пѣшкомъ. Солдаты оцѣнили по своему.

— Ишь, ты, нашъ батька какой—съ нами вшивыми все какъ есть вмѣстѣ: и походъ ломаетъ и разговариваетъ

Разговоры съ нами всегда идутъ оживленные и самые разнообразные. Слышу на примѣръ такой вопросъ.

— Папаша, расскажи-ка ты, что тамъ въ газетахъ новаго пишутъ?

Заговорилъ со мной солдатъ изъ бывшихъ фабричныхъ. Но ни въ тонѣ, ни въ содержаніи рѣчи не было и тѣни какого-либо неуваженія. Это было самое настоящее благодушіе. Не дожидаясь моего отвѣта, онъ сталъ рассказывать про себя: былъ пьяница, колотилъ жену и ребятъ. А теперь хорошо: и здѣсь не пьютъ, и тамъ, жена пишетъ, тоже тихо - водки нѣтъ. Дальше пошла тоже почти исповѣдь.

Впрочемъ такая же простота отношеній устанавливается и съ офицерами. Слышу окрикъ:

— Батя, что это у васъ залюбимцы въ четвертомъ батальонѣ. Бросьте ихъ, идите къ намъ.

Но такая кротость открываетъ большую возможность оказать иногда самую серьезную помощь, можетъ быть и доступную только священнику. Получаю, на примѣръ, изъ окоповъ записку отъ молодого офицера: „батюшка, я больше этого не могу выносить. Покончу съ собой...“

Разыскалъ его. Начало бесѣды было трудно: измотался нервно человекъ. Потомъ сталъ отходить, разрыдался до истерики, а потомъ помолились вмѣстѣ—и, слава Богу, окрѣпъ совершенно и воюеть теперь, помышляя лишь о томъ, какъ бы покончить съ австрійцами. Это случай не единственный, но эти случаи слишкомъ деликатны, и говорить о нихъ нельзя.

Довѣреннымъ душевнымъ дѣлъ во всякомъ случаѣ приходится быть постоянно, а передъ боемъ я всегда бываю нагруженъ письмами, деньгами и вещицами для пересылки роднымъ и близкимъ.

Передъ боемъ и послѣ боя.

Когда часть идетъ въ бой, я становлюсь на пути и благословляю воиновъ крестомъ. Сперва я слышалъ нѣкоторые разговоры по этому поводу: это нервируетъ солдатъ. Но потомъ, убѣдились, что благословеніе нервности не прибавляетъ, а вноситъ струю равновѣсія. Разговоры прекратились. Обычную является картина, когда спѣшно идущіе въ бой торопливо цѣлуютъ и склоняютъ головы подъ благословляющую руку.

Послѣ боя сразу же вмѣстѣ съ врачами приходится спѣшить къ раненымъ. Надо напутствовать умирающихъ. Они жадно ищутъ духовнаго утѣшенія и часто, обезсиленные, чтобы вымолвить слово, полными слезъ глазами благодарятъ за послѣднее утѣшеніе.

Не могу забыть одного случая. Въ средѣ офицеровъ былъ молоденькій прапорщикъ (полякъ, католикъ), котораго за его юность и милый характеръ всѣ называли не иначе, какъ уменьшительнымъ „Лева“. Со мной онъ былъ очень друженъ. Недѣли за двѣ до боя, гдѣ былъ смертельно раненъ, Лева затосковалъ и упорно твердилъ, что въ ближайшемъ бою онъ погибнетъ. Особено тяжелое впечатлѣніе оставила у него всеночная, которую я служилъ въ разгаръ артиллерійскаго боя.

— У васъ такія хорошіе молитвенные напѣвы, а тутъ адь,—горилъ онъ.

Когда его принесли съ позиціи раненаго, я спросилъ: Лева, что съ вами?

— Все кончено, я пропалъ...

— Поправитесь, вылечать...

— Возьмите меня за ногу, жмите крѣпче. Я нечувствую вашего прикосновенія: значить, задѣтъ позвонокъ, а это смерть... Въ бумажникѣ найдете деньги и письмо—отошлите невѣстѣ. Адреса въ бумажникѣ... а теперь прощайте, батя, идите къ другимъ, васъ ждуть...

Лева протянулъ руки, положилъ ихъ мнѣ на плечи совсѣмъ, такъ дѣлають дѣти, когда ходять приласкаться, и крѣпко нѣсколько разъ поцѣловалъ.

Черезъ два дня я навѣстилъ его. Онъ тихо догоралъ. Руки уже холодѣли, и смертная блѣдность покрывала лицо. У него до меня былъ ксендзъ, который напутствовалъ. Въ рукахъ у Левы былъ браслетъ, который онъ тихонько тербилъ руками, не сводя съ него глазъ.

— Батюшка, дайте мнѣ руку, побудьте со мною...

Я остался сколько могъ—и на прощанье опять онъ крѣпко и трепетно прижался къ моей груди, прося не забыть его порученій. Они исполнены.

К с е н д з ы.

Мнѣ приходится много встрѣчаться съ католическими священниками. Отношенія устанавливаются самыя лучшія. Нужно сказать, что намъ необходимо преодолѣвать нѣкоторые предразсудки и недовѣріе съ ихъ стороны, основанные, видимо, на незнакомствѣ съ православнымъ духовенствомъ. Какъ-то, напутствуя раненыхъ, я натолкнулся на двухъ католиковъ. Выйдя изъ избы, я увидѣлъ ксендза и предложилъ ему заняться этими ранеными. Ксендзъ сейчасъ же отправился къ нимъ, а затѣмъ чрезвычайно горячо бла-

годарилъ меня. Я сказалъ ему, что это сдѣлалъ бы всякій православный священникъ и ничего особеннаго въ этомъ нѣтъ. Но, видимо, представленіе о насъ у него было другое. Молодые ксендзы особенно внимательно прислушивались и присматривались къ нашей службѣ, и видимо было, что многое они рисовали не такъ, какъ увидѣли въ дѣйствительности.

Погребеніе.

Хоронить убитыхъ большею частью приходится ночью. Всегда совершается отпѣваніе, хотя и сокращенное нѣсколько противъ обычнаго, но отпѣваніе. Не лишаемъ мы христіанскаго погребенія и австрійцевъ. Только надъ ними поемъ одно лишь „Святой Боже“, не исполняя всегда обряда погребенія.

Богатую ниву для пастырской работы даетъ намъ война. Почва такъ вспахана и разрыхлена, что остается только сѣять доброе сѣмя. Наша пастырская работа весьма облегчена тѣми указаніями, какія мы получаемъ отъ протопресвитера военнаго и морскаго духовенства Г. І. Шавельскаго. Онъ участвовалъ въ японской войнѣ, хорошо знаетъ боевую обстановку и ея условія, поэтому его инструкціи весьма практичны и для людей, незнакомыхъ съ войной, чрезвычайно цѣнны. Главнымъ же все-таки остается вѣрующая русская душа, которая всѣхъ заставляетъ особенно работать дѣломъ вѣры. („Нов. В.“).

Славяне и ихъ исторія.

Краткій очеркъ.

(Окончаніе).

Поляки.

Поляки, или ляхи, являются западной вѣтвью великаго славянскаго дерева. Съ самой глубокой старины ихъ посе-

ленія занимали приблизительно тѣ же мѣста, что и теперь. Границами этого народа въ стародавнее время считались на сѣверѣ—Балтійское море, на востокѣ Висла съ Зап. Бугомъ, на югѣ—Карпаты, и на западѣ—рѣка Одеръ, (Одра—въ старославянскихъ лѣтописяхъ). Исключая небольшой полосы юга, вся эта страна почти на всемъ пространствѣ была покрыта дремучими лѣсами, болотами и топями, которые дѣлали Польшу почти неприступной для внѣшнихъ враговъ, но зато затрудняли и внутреннія сообщенія своего племени. Этимъ отчасти и можно объяснить, что Польша, находясь такъ близко къ культурнымъ народамъ, почти позднѣе всѣхъ славянскихъ родичей выступила на историческое поприще.

Первоначальный бытъ поляковъ, какъ и прочихъ славянъ—это родовой бытъ, о которомъ я уже говорилъ въ началѣ своего очерка. Но уже въ IX вѣкѣ, подъ давленіемъ внѣшней опасности, поляки организуются въ союзы, во главѣ которыхъ становятся отдѣльные князья туземнаго происхожденія. Объ одномъ такомъ „князѣ на Вислѣ“, пріявшемъ крещеніе по восточному обряду отъ самого Первоучителя славянства, говорится въ житіи святого Меѳодія. Но затѣмъ, почти на цѣлыхъ сто лѣтъ о полякахъ опять теряются всякія достовѣрныя извѣстія. Вполнѣ историческія свѣдѣнія о полякахъ и Польшѣ мы имѣемъ лишь со второй половины X вѣка. Это мы узнаемъ отчасти изъ германскихъ, отчасти изъ польскихъ источниковъ.

Въ царствованіе германскаго императора Оттона Великаго его маркграфъ Геродъ побѣдилъ князя полянъ, которые обитали между Одеромъ и Вислой и заставилъ его платить дань повелителю германскому, это событіе произошло, какъ говоритъ лѣтопись нѣмецкая, въ 963 г. Положеніе западныхъ славянъ уже въ это время было очень тяжелое.

Подъ предлогомъ распространенія христіанства среди язычниковъ—славянъ, нѣмцы изъ—года въ—годъ вторга-

лись во владѣнія поморянъ, полабскихъ и приодерскихъ славянъ, жгли ихъ поселенія и наводили на мирныхъ жителей страхъ и ужась. Воинственныя, но разрозненныя славянскія племена, или бѣжали отъ родныхъ пепелищъ, куда глаза глядятъ, или падали въ неравной борьбѣ съ законными въ желѣзо и мѣдь тевтонскими полачами или принимали христіанство и обращались въ полурабовъ нѣмецкихъ.

Чтобы отнять у нѣмцевъ всякій предлогъ для войны и разбоевъ, князь польскій Мѣшко рѣшилъ и самъ со всѣмъ народомъ обратиться въ христіанство. И вотъ въ 966 г. онъ обращается къ чешскому королю Болеславу, женится на его дочери Дубравкѣ и самъ вмѣстѣ съ народомъ принимаетъ христіанство. Т. о., крещеніе поляковъ произошло всего на 20 лѣтъ раньше крещенія Руси (988 г.) и съ этихъ поръ Польша, какъ держава въ церковномъ отношеніи зависимая отъ Рима, переживаетъ всѣ тревоженія и всю судьбу западной церкви, вплоть до крестовыхъ походовъ и до благородныхъ попытокъ къ освобожденію Гроба Господня. Казалось бы, что съ принятіемъ поляками христіанства, у нѣмцевъ, которые такъ пеклись о темныхъ душахъ язычниковъ—славянъ, пропали всякіе поводы для вторженія въ чужую страну. Однако, нѣмцы и тутъ нашли оправданіе для своихъ разбойныхъ набѣговъ на мирную Польшу. Одинъ изъ ихъ наглецовъ—предводителей объявилъ, собираясь въ походъ на Польшу, что за польскимъ княземъ, какъ за новообращеннымъ христіаниномъ, теперь нуженъ усиленный надзоръ. Терпѣніе добродушнаго Мѣшка истощилось—онъ собралъ войско и далъ такой отпоръ незваннымъ опекунамъ, что они надолго забыли дорогу въ этотъ край. Пользуясь побѣдой и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое она произвела на поляковъ, Мѣшко къ своимъ, великопольскимъ владѣніямъ, присоединилъ Малую Польшу съ г. Краковомъ и Мозавію (земли на правомъ берегу Вислы) и собравъ въ

своихъ рукахъ почти всѣ земли, населенные польскимъ племенемъ, спокойно княжилъ послѣ этого почти цѣлыхъ тридцать лѣтъ, и умеръ около 992 г. Вотъ первая и достовѣрная извѣстія изъ исторіи Польши.

Сынъ его Болеславъ храбрый (992—1025 г.) жилъ почти одновременно съ русскимъ княземъ Владимиромъ Святымъ. Военными подвигами и мудрой политикой, онъ затмилъ славу своего отца и высоко поставилъ имя Польши среди западно-европейскихъ державъ. Онъ присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Поморію и проложилъ дорогу къ Балтійскому морю; у чеховъ онъ отнялъ западную Хорватію, Моравію и Словачину. Вмѣшавшись послѣ смерти Владимира Святого въ русскія дѣла, онъ поддержалъ своего зятя, князя Святополка Окаяннаго въ его борьбѣ за Кіевскій престолъ противъ Ярослава Новгородскаго и за это получилъ червоно-русскіе города. Онъ вліялъ на дѣла Чехіи и одно время считался также и ея королемъ. Словомъ, почти всѣ племена западныхъ славянъ входили въ составъ его державы. Его могущество и предѣлы его государства были такъ велики, что папа Сильверстъ II-й въ Гнѣзнѣ, главномъ городѣ Польши, основалъ особую митрополию, находящуюся въ непосредственной зависимости отъ Рима, и кромѣ того, три епископства, а императоръ германскій Оттонъ III-й, пріѣхавъ въ Гнѣзно поклониться мощамъ св. Войтѣха въ 1000 г., короновалъ его своей короной и далъ ему самъ патриція римской имперіи, чѣмъ какъ бы освящалъ и всенародно признавалъ его независимость. Недовольствуясь этимъ, соборъ польскаго духовенства короновалъ его въ 1024 г. вторично, но уже титуломъ короля Польши.

Послѣ смерти этого перваго и въ то же время могущественнѣйшаго короля Польши, между его сыновьями и родичами, какъ у насъ послѣ смерти Владимира св., поднялись раздоры и войны изъ-за дѣлежа наслѣдства. Эти междоусобицы были такъ жестоки и кровопролитны, что въ

ихъ борьбѣ погибъ весь княжескій родъ, за исключеніемъ одного, по имени, Казимира. Да и тотъ единственный былъ молодой монахъ. Чтобы спасти государства, мать молодого князя-монаха обратилась къ папѣ, чтобы онъ разрѣшилъ его отъ клятвы и позволилъ занять престолъ. Папа благословилъ и молодой князь скоро вокняжился надъ несчастной и разоренной страной, которая теперь сократилась можно сказать на половину, т. к. во время смуты Польша потеряла все, что приобрѣлъ Балеславъ Храбрый. Нѣмцы отняли у нихъ поэльбскія земли, датчане— Поморье, чехи — часть Силезіи, а Ярославъ, князь русскій, вернулъ себѣ Червонную Русь. Такія гибельныя послѣдствія принесла за собой эта смута. Князь-монахъ извѣстенъ въ польской исторіи подъ именемъ Казимира Обновителя—не успѣвъ вернуть потеряннаго, онъ, однако, мирно княжилъ надъ собственно польскими землями, и умеръ въ 1058 г.

Внукъ Казимира Болеславъ Кривоустый, былъ очень воинственный и энергичный князь, онъ много воевалъ и не безъ пользы для своей страны, но собрать все то, что принадлежало его великому предку, ему не удалось, однако онъ вернулъ себѣ часть Поморіи и, чтобы крѣпче ее удержать, распространилъ тамъ христіанство. Онъ умеръ въ 1148 г. и раздѣлилъ всю свою землю между пятью сыновьями. Съ этихъ поръ въ Польшѣ начинается удѣльный порядокъ, т.е. тоже самое, что мы наблюдаемъ и на Руси. Однако, удѣльный порядокъ въ этой странѣ имѣетъ нѣсколько иной характеръ.

Той картины, т.е. перехода князя изъ одного удѣла въ другой и до самаго Кіева, мы здѣсь не наблюдаемъ. Великимъ княземъ здѣсь является не старшій въ родѣ, а старшій сынъ великаго князя, слѣдовательно, каждый князь здѣсь долженъ довольствоваться прежнимъ удѣломъ, какой онъ и старается передать въ наслѣдство своему потомству. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе дробилась поль-

ская земля, тѣмъ больше слабѣла отъ полного безначалія, отъ вѣчныхъ кровавыхъ междуусобиць. А между тѣмъ, внѣшніе враги не слабѣли, а усиливались: на западѣ нѣмцы и чехи, на востокѣ—литва и Русь, на сѣверо-востокѣ на правомъ берегу Вислы по берегу Балтійскаго моря литовское племя пруссы. Всѣ эти враги рвали и трепали несчастную Польшу и въ конецъ истощали бѣдное населеніе. Въ такомъ положеніи, одинъ изъ польскихъ князей, по имени Конрадъ Мозавецкій, видя, что собственными силами ему не справиться съ язычниками пруссами, пригласилъ въ эту область въ 1228 г. цѣлый гарманскій орденъ (свободная дружина полумонаховъ—полувоиновъ) съ условіемъ чтобы они воевали съ пруссами, а наградой имъ за это все, что завоюютъ. Орденъ охотно принялъ это предложеніе, согласился признать себя вассаломъ Мазовецкихъ князей и началъ войну съ пруссами. Племя это было скоро совсѣмъ уничтожено, а орденъ сталъ называться нѣмецкимъ или прусскимъ изъ этого ордена въ послѣдствіи выросла современная Пруссія, которая и восторжествовала въ концѣ концовъ надъ Польшей. Но пока что, это было еще далеко, и едва ли кто-либо изъ поляковъ предвидѣлъ тогда, кого они призвали къ себѣ въ помощники и сосѣди и какую бѣду они сами приготовили для себя. А между тѣмъ къ довершенію всѣхъ бѣдствій междуусобиць, новая бѣда разразилась надъ истерзанной Польшей, эта бѣда—страшное монгольское нашествіе. Какъ безпощадный ураганъ, прокатилось это нашествіе черезъ всю страну отъ края до края, оставляя послѣ себя сожженные деревни и города, трупы убитыхъ и растоптанныхъ—ужась, слезы и стонъ. Кто могъ—бѣжалъ въ лѣса и болота, кто не успѣлъ или погибалъ подъ татарскими мечами, или попадалъ въ рабство. Когда татары ушли, Польша опустѣла и обезлюдѣла и на свободныя земли двинулись толпы нѣмецкихъ колонистовъ, Князя польскія не только не препятствовали, но,

наоборотъ, всячески поощряли переселенцевъ, освобождали ихъ на время отъ податей, давали имъ право самоуправленія. Нѣмцы этимъ воспользовались и, поселившись преимущественно въ городахъ, стали заниматься торговлей, богатѣть и крѣпнуть, составивъ дружное сплоченное сословіе — мѣщанство. Выше всего ставя свои личные нѣмецкіе и сословные интересы, они тѣмъ не менѣе, принесли не мало пользы и самой Польшѣ; они оживили торговлю, населяли и культивировали праздно лежащія зямли и подняли благосостояніе разореннаго и опустошеннаго края.

Въ этотъ же періодъ (XIII в.) зарождается и крѣпнетъ новое сословіе — духовенство. Пользуясь могущественной поддержкой изъ Рима, религіозностью народа и слабостью князей, оно пріобрѣтаетъ отъ этихъ послѣднихъ огромныя права и льготы. Во первыхъ, право самоличнаго выбора епископа и утвержденія его, во вторыхъ — церковь пріобрѣтаетъ слободу отъ княжескихъ даней, повинностей и судовъ, и наконецъ, въ третьихъ, крестьяне поселенные на земляхъ епископовъ, монастырей и проч. совершенно освобождались отъ княжеской власти и зависимости. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ болѣе усиливалось это сословіе, пока, наконецъ въ XIV в. не столкнулось съ усилившейся королевской властью, передъ которой она волей неволей должна была отступить и принять на себя нѣкоторыя общегосударственныя повинности. Въ этотъ же періодъ — XIII в. зарождается и третье сословіе — дворянство, или по польски „шляхетство“.

Нуждаясь въ своихъ постоянныхъ междуусобныхъ войнахъ въ сильныхъ и вооруженныхъ людяхъ, князья польскіе не жалѣли средствъ, чтобы удержать за собой этотъ родъ людей. Князья недѣляли ихъ обширными землями, позволяли прізывать на эти земли нѣмецкихъ колонистовъ и свободныхъ польскихъ крестьянъ, освобождая ихъ въ пользу шляхты отъ княжескаго суда, даней и повинностей, и даже позво-

ляли имъ поступать на службу къ другимъ государямъ, оставляя за собой только право требовать военной службы и нѣкоторыхъ судебныхъ доходовъ. Всѣ эти права и привилегіи, данныя отдѣльнымъ лицамъ въ разное время, подтверждаются общимъ указомъ въ 1291 г. Не довольствуясь всѣми этими правами въ началѣ XIV в. шляхта организуется въ цѣлое сплоченное сословіе съ областными съѣздами или совѣтными сеймами во главѣ, на которыхъ и рѣшались дѣла шляхты этой округи. Вотъ въ какомъ положеніи находились дѣла Польши къ началу XIV столѣтія. Усталая и измученная вѣчными войнами и ссорами князей, она жаждала покоя и отдыха и мечтала объ единомъ и сильномъ правителѣ, который водворилъ бы, наконецъ въ землѣ миръ и порядокъ. Этимъ настроеніемъ воспользовался одинъ умный и энергичный князь Владиславъ Локотокъ прозванный такъ за свой малый ростъ. Онъ захватилъ Краковъ, главный городъ Малой Польши, и съ согласія и одобренія представителей отъ многихъ польскихъ княжествъ, короновался въ этомъ городѣ въ 1320 г. польскимъ королемъ. Скоро и великая Польша, (сѣверная часть этой страны) признала его своимъ королемъ, а за ней и многія другія мелкія княжества, и объединеніе Польши, къ великой радости всего населенія, наконецъ, совершилось, осталась, въ сторонѣ только Мазавія, гдѣ былъ собственный князь, не признававшій надъ собой власти Владислава. Однако нѣмцы не хотѣли считаться съ правами новаго короля и попрежнему совершали на Польшу опустошительные набѣги, такъ и умеръ бѣдный Локотокъ, не избавившись отъ этихъ ненасытныхъ хищниковъ. Ему наслѣдовалъ его сынъ (1330—370) извѣстный въ польской исторіи подъ именемъ Казимира Великаго. Онъ съ успѣхомъ продолжалъ дѣло своего отца Локотка, добился ленной присяги отъ мазовецкаго князя и бранденбургскихъ владѣтелей (нынѣшній Берлинъ съ округомъ) и захватилъ Галицію, или галицкую Русь, въ кото-

рой прекратился къ тому времени княжескій родъ князя Юриковича Даніила Романовича, съ этихъ поръ и до самаго конца Польши Галиція находилась во владѣніяхъ польской короны. Съ орденомъ онъ жилъ въ мирѣ и миръ и тишина водворились въ его владѣніяхъ. Чтобы болѣе объединить разрозненныя польскія земли, Казимиръ издаеть для всей страны одинъ обязательный для пользованія всѣхъ законъ Вислицкій Статутъ, а въ 1364 г. онъ основываетъ въ Краковѣ университетъ съ юридическимъ характеромъ, второй по древности славянскій университетъ. Завоевавъ Галицію, онъ по Днѣстру черезъ Львовскихъ армянъ, поселеннымъ имъ тамъ, завязалъ торговыя сношенія съ востокомъ и получалъ оттуда товары, которые выгодно перепродавали польскіе купцы далѣе на западъ и сильно богатѣли. Онъ основалъ много селъ и деревень и слѣдилъ за тѣмъ, чтобы чиновники и шляхта не обижали крестьянъ, и этимъ послѣднимъ онъ позволилъ, въ случаѣ несправедливости помѣщика, оставлять его землю и уходить къ лучшему. Такимъ вниманіемъ къ крестьянамъ, Казимиръ приобрѣлъ огромную популярность среди кизшихъ классовъ населенія, но зато шляхта его не любила и прозвала „хлопскимъ крулемъ“ (хлопъ — мужикъ по нашему). Шляхту онъ не любилъ, и чтобы хоть нѣсколько усмирить ее, онъ завелъ придворный штатъ чиновниковъ на подобіе нашихъ министровъ, которые зависѣли только отъ него и ему давали отчетъ о дѣлахъ въ государствѣ, а по отдаленнымъ городамъ еще раньше были заведены старосты, которымъ принадлежала военная власть въ этомъ округѣ и которые имѣли право верховнаго надзора за мѣстными судами. Но и самъ Казимиръ не сидѣлъ на мѣстѣ и ѣздилъ по своему царству и провѣрялъ, какъ исполняютъ обязанности его чиновники. Таковъ былъ этотъ король; онъ такъ много сдѣлалъ для своей страны, столько трудился для нея и строилъ, что лѣтописецъ польскій, описывая его дѣятель-

ность замѣчаетъ: „Казимиръ получилъ Польшу отъ своего отца деревянную, а оставилъ каменной“. Энергичный и рѣшительный король умѣло сдерживалъ свою многочисленную шляхту и не давалъ ей особенно своевольничать; не будучи по натурѣ деспотомъ, онъ, однако, строго наказывалъ виновныхъ за ихъ проступки и сумѣлъ внушить себѣ уваженіе.

Казимиръ умеръ не оставивъ мужского потомства, и корона польская перешла къ его племяннику и наслѣднику Людовику, королю венгерскому.

Этотъ король тоже не имѣлъ сыновей, онъ желалъ оставить престолъ своей дочери Ядвигѣ, чего не допускали польскіе законы и традиціи, и вотъ, желая задобрить шляхту и добиться своего, онъ издаетъ для польскаго дворянства такой указъ, который совершенно освобождаетъ шляхту отъ какихъ либо податей, за исключеніемъ двухъ грошей съ помѣстья.

Король добился своего, но зато господами Польши сдѣлались шляхтичи или паны, чѣмъ они и не замедлили воспользоваться послѣ смерти Людовика.

Къ этому времени, т. е. къ концу XIV в. на сѣверо-востокъ и востокъ отъ Польши образовалось обширное Литовско-Русское государство; въ ядрѣ своемъ Литовское, т. е. состоящее изъ Литвы, оно столько захватило русскихъ земель, что совсѣмъ терялось среди русскаго населенія и, перенимая русскій языкъ, вѣру православную и русскіе обычаи, почти наполовину обрусѣло, по крайней мѣрѣ, князья сами говорили по русски и языкъ канцелярскій тоже былъ русскій. Да это же вліяніе было замѣтно и среди литовскихъ дворянъ. Государство это съ каждымъ годомъ ширилось и мужало и становилось грознымъ для своихъ сосѣдей. Но у него былъ заклятый врагъ, котораго онъ никакъ не могъ сломить врагъ этотъ Нѣмецкій орденъ, который много горя причинялъ теперь и самой Польшѣ.

Въ восьмидесятихъ годахъ XIV ст. Литовско-Русскимъ

великимъ княземъ былъ Ягайло. За него-то и рѣшили паны выдать свою королеву Ядвигу. Но бракъ этотъ они обставили очень выгодными и лично для себя и для Польши условіями.

Условія эти таковы.

Ягайло получилъ руку королевы Ядвиги и за это сдѣлался королемъ Польши и обѣщаль на вѣчныя времена соединить въ одно государство Литву и Польшу.

в) обратить всѣхъ подданныхъ Литвы въ католичество,

с) не посягать на права и привилегіи польской шляхты.

Ягайло охотно принялъ эти условія и въ 1386 г. въ Краковѣ произошло торжественное бракосочетаніе Ядвиги съ Ягайлой и коронованіе послѣдняго короной польскихъ королей.

При этомъ случаѣ шляхта не замедлила выторговать у новаго короля для себя новыя льготы. Они добились отъ него закона, по которому разныя земскія должности въ польскомъ королевствѣ могутъ занимать только шляхтичи этого округа.

Но Ягайло при самомъ искреннемъ желаніи не могъ выполнить обѣщаній, данныхъ польскимъ панамъ. Правда, самъ онъ принялъ католичество и изъ православнаго Якова (его имя въ православіи) превратился въ католическаго Владислава, но народъ не охотно шелъ за нимъ.

Правда, крестьяне литовцы, изъ которыхъ многіе еще были язычниками, а многіе не утвердились достаточно въ православіи, за блестящіе крестики и красивыя бѣлыя одежды, которыми ихъ награждали латинскіе священники, охотно крестились, и нѣкоторые даже по нѣскольکو разъ, но православные русскіе и значительная часть литовскихъ бояръ съ неудовольствіемъ смотрѣли на затѣю своего князя и не хотѣли бросать вѣры отцовъ. Не нравилось имъ также и то, что ихъ князь теперь жилъ въ далѣкомъ Краковѣ а не у себя въ родной Вильнѣ, (столица Литвы).

Этимъ недовольствомъ удачно воспользовался умный и энергичный двоюродный братъ Ягайлы Витовтъ и захватилъ престолъ литовскихъ князей, чтобы не обострять отношеній, Ягайло вынужденъ былъ признать его княземъ, хотя и на ленныхъ условіяхъ отъ себя и Витовтъ 40 лѣтъ умно и энергично правилъ Литовско-Русскимъ государствомъ на благо всѣхъ своихъ подданныхъ.

Больше того, общій врагъ — Нѣмецкій орденъ, который занималъ теперь владѣнія отъ устья Вислы и до Финскаго залива вдоль Балтійскаго моря, этотъ Орденъ теперь превратился въ грозную силу, одинаково опасную и для Польши и для Литвы. Эта бѣда и заставила сплотиться тѣснѣе обоихъ враждовавшихъ правителей. Когда ни просьбы князей, ни мирные договоры, ни приказанія папъ не остановили кровавыхъ и разорительныхъ набѣговъ ордена на польскія и литовскія владѣнія и неудержимаго движенія нѣмцевъ на востокъ, Ягайло и Витовтъ рѣшили остановить и удержать ихъ силой.

Поляки и Литовцы собрали войска, соединили ихъ въ одну рать и при деревнѣ Грюнвалядень (въ нынѣшней Восточной Пруссіи) въ 1410 г. и нанесли Ордену страшное пораженіе, которое навсегда сломило могущество Ордена и остановило его движеніе на востокъ.

Эта побѣда надъ страшнымъ врагомъ объединила оба государства правдиво крѣпче всякихъ писанныхъ договоровъ и вотъ всего черезъ 3 года послѣ Грюнвальдена въ 1413 г. Ягайло и Витовтъ со своими вельможами съѣхались вмѣстѣ въ маленькомъ мѣстечкѣ Городня (близъ Бѣлостока) и здѣсь вновь была подтверждена унія Литвы и Польши.

Съ этихъ поръ польское вліяніе усиливается въ Литвѣ и вытѣсняетъ вліяніе русское.

Королева Ядвига дѣтей не имѣла и умерла вскорѣ послѣ замужества. Ягайло же жилъ послѣ этого очень дол-

го и умеръ, оставивъ послѣ себя двухъ сыновей отъ другой жены—Владислава и Казимира.

Паны польскіе не хотѣли признавать своимъ королемъ Владислава, какъ не сына Ядвиги, и молодому наслѣднику удалось добиться отцовскаго престола только цѣною новыхъ правъ и привиллегій для шляхты. А именно, онъ издалъ указъ, по которому шляхта могла возставать противъ своего короля, если послѣдній нарушалъ ихъ привиллегіи.

Такимъ образомъ, права шляхты увеличивались, а власть короля все уменьшалась, и Владиславъ взошелъ на престолъ, можно сказать, связаннымъ по рукамъ и по ногамъ; иного нельзя было и ожидать, вѣдь королю было всего 15 лѣтъ, Владиславъ Ягеллонъ царствовалъ всего 10 лѣтъ, умеръ очень молодымъ, но умеръ героемъ.

Дѣло въ томъ, что Венгрія, которая въ это время воевала съ Турціей, осталась безъ короля. Въ такомъ затруднительномъ положеніи венгерская знать предложила Владиславу корону венгерскую, польскій король принялъ ее и волей неволей былъ втянутъ въ войну съ Турціей. Войну эту онъ велъ очень успѣшно, но, желая поразить турокъ въ самое сердце, онъ съ 20000 человекъ углубился во владѣнія османовъ и здѣсь на берегу Чернаго моря близъ города Варны потерпѣлъ страшное пораженіе. Отъ турецкихъ полчищъ и погибъ геройской смертью вмѣстѣ со своимъ храбрымъ войскомъ въ 1447 г.

Послѣ этого наступило долготннее царствованія его брата Казимира Ягеллона (1447—492 г.). Къ этому времени польская шляхта настолько сдѣлалась своевольной и своекорыстной, что совершенно игнорировала общегосударственные интересы и отказывалась помогать королю въ его благихъ начинаніяхъ, а начинанія эти дѣйствительно были прекрасные и дѣйствительно клонились къ пользѣ всей страны.

Дѣло въ томъ, что польское населеніе Поморіи, подчиненное немѣцкому ордену, тяготилось этою зависимостью и

тайно приглашало къ себѣ польскаго короля, давая слово возстать противъ ордена, какъ только король начнетъ противъ нѣмцевъ войну.

Король объявилъ походъ, но шляхта, собиравалась лѣниво и неохотно, а въ рѣшительную минуту вдругъ предъявила королю новыя требованія, требованія эти заключались въ томъ, чтобы на будущее время вопросъ о войнѣ и мирѣ рѣшался не королемъ, а областными сеймиками; Казимиру и здѣсь пришлось уступить, чтобы подвинуть шляхту въ походъ,

Однако, оказалось, что шляхта, которая такъ храбро и настойчиво воюетъ съ королемъ, на войнѣ была далеко не такъ воинственна, и потерпѣла отъ нѣмцевъ позорное поражение, и только благодаря чешскимъ наемникамъ Казимиру удалось отвоевать у нѣмцевъ послѣ многихъ лѣтъ устье Вислы, остальные земли остались за Орденемъ. Король видѣлъ, что при такомъ положеніи дѣлъ государство разстраивается и слабѣетъ и хотѣлъ было провести нѣкоторыя реформы и ограничить права шляхты, но шляхта ни за что не хотѣла поступиться своими правами, и не хотѣла никакихъ реформъ. Такимъ образомъ, не смотря на свое почти 50-ти лѣтнее царствованіе, король умеръ, не сдѣлавъ ничего цѣннаго и нужнаго во внутреннемъ порядкѣ своего государства.

Казимиру наследовалъ въ Польшѣ его сынъ Янъ Альбрехтъ, а литовскимъ княземъ сдѣлался его младшій братъ Александръ. Положеніе Польши было очень печальное. Въ дѣлахъ застой, суды бездѣйствовали или разрѣшали жалобы только въ пользу богатыхъ и знатныхъ; Шляхта, пользуясь безнаказанностью, совершенно закрѣпостила за собой крестьянъ, и въ тоже время всячески старалась отдѣлаться отъ какихъ либо гражданскихъ обязанностей—какъ подать или сборъ на войну, казна была пуста, да не только для казны, а даже не было средствъ для содержанія двора, и

король черезъ мѣсяць послѣ коронаціи закладываетъ одному купцу свою деревню за 500 золотыхъ — это въ такомъ обширномъ и богатомъ государствѣ!

Чтобы хоть что нибудь совершить полезное въ государствѣ, чтобы сдвинуть его съ мертвой точки, надобно прежде всего поднять упавшій такъ низко престижъ короля! Но какъ?! Конечно, громкими политическими или военными подвигами.

Врагъ былъ всегда на лицо, это турки, и крымскіе татары, которые каждое лѣто совершали опустошительные набѣги на Польшу, увозя съ собой толпы плѣнниковъ. И вотъ король ѣздитъ по государству и распускаетъ слухъ среди народа, что огромное 700,000-ое войско турокъ идетъ на ихъ землю. Народъ востепенулся, шляхта зашевелилась. Благодаря тому, что передъ этимъ Король Янъ удачно приобрѣлъ путемъ договора и купли для Польши нѣсколько городовъ, шляхта довѣряла королю, и хоть лѣниво, но все же собиралась подъ знамена короля. А цѣль войны была такова — поддержать молдавскаго господаря противъ турокъ, взять его подъ покровительство Польши и проложить такимъ образомъ для торговли дорогу къ Черному морю и на Востокъ. Планъ широкій и разумный. Но шляхта собиралась такъ долго и лѣниво, что турки провѣдали про ихъ походы и предупредили ихъ, занявъ своими войскамъ Молдавію, волей-неволей Господарю пришлось смириться и объявить себя вѣрноподданнымъ султана, и когда Янъ съ войскомъ пришелъ въ Румынію, то было уже поздно. Пришлось съ позоромъ повернуть полки назадъ. Но бѣда еще была впереди. Въ лѣсахъ Буковины на польское войско напали турки, венгры и тѣже молдаване (и нанесли полякамъ страшное пораженіе. Убитый нравственно, съ большими потерями и безславно король вернулся изъ далекаго похода. И что же? шляхта его же и обвинила въ неудачѣ, распусшивъ злобный слухъ, что король нарочно затѣялъ этотъ

походъ, чтобы погубить ихъ. Но король то зналъ истинныхъ виновниковъ и какъ только вернулся съ похода, жестоко началъ мстить и наказывать провинившихся и нерадивыхъ слугъ отечества, которые дома грозно потрясали саблями, а на войнѣ не слушались воеводъ, самовольно покидали назначенныя мѣста, а то и просто тайкомъ возвращались домой. За эти вины Янъ — Альбрехтъ сотнями отбираетъ у недостойныхъ имѣнія и отдаетъ ихъ заслуженнымъ воинамъ. Этой мѣрой онъ вызвалъ къ себѣ у дворянства страшную ненависть, и когда король умеръ, лѣтописецъ польскій не нашель для него и одного теплаго надгробнаго слова. Чтобы поддержать дружбу и союзъ съ Литвой, поляки избрали на польскій престолъ литовскаго князя Александра, младшаго брата Яна — Альбрехта.

Этотъ польскій король, еще будучи литовскимъ княземъ, породнился съ могущественнымъ московскимъ княземъ Иваномъ III-мъ Васильевичемъ, взявъ замужъ его дочь Елену. Бракъ этотъ былъ исключительно по расчету, при помощи этого родства Александръ хотѣлъ остановить завоеванія московскаго князя, который къ концу XV в. очень усилился, завоевалъ огромную республику Великій Новгородъ, освободился отъ татарскаго ига, женился на греческой царевнѣ и сталъ считать себя преемникомъ византійскихъ императоромъ и царемъ не московскимъ только, а всея Руси. А Руси этой за Литвой было очень много, Смоленскъ, Кіевъ, Волынь и многіе другіе города, и потеряй литовскій князь эти земли, онъ превратился бы со своей Литвой въ мелкаго и бѣднаго князька. Какъ ни старался Александръ уладить свои дѣла съ тестемъ, это ему не удалось, Іоаннъ, переманивалъ къ себѣ на службу вельможъ литовскихъ, удѣльныхъ князей Рюриковичей, и тѣ переходили къ нему со своими городами и землями. Александръ сердился и грозился, но ничего не могъ подѣлать, московскій князь отвѣчалъ, что эти земли его вотчина со временъ

Владимира Св. и литовскій князь не имѣеть на нихъ права, мало того, онъ грозилъ отнять у своего зятя, теперь польскаго короля и Смоленскъ и Кіевъ, по среди этихъ приготовленій умеръ въ 1505 г. Польша облегченно вздохнула, хотя и не надолго, на московскій престолъ вступилъ сынъ Іоанна Василій III-й, правда, менѣе талантливый, но съ тою же политической программой, какъ и у его отца. А Польша, какъ котель кипѣла отъ внутреннихъ смуть и неурядиць. Нисшее дворянство ссорилось съ высшимъ, а вся шляхта съ городами, а всѣ вмѣстѣ съ королемъ, а главный совѣтъ выборныхъ отъ земли сеймъ, не только не заботился о престижѣ короля, а наоборотъ, гдѣ можно урѣзывалъ его права и власть. Такъ, напримѣръ, въ трудную минуту, король могъ закладывать дворцовыя земли и оборачиваться на эти средства. И вотъ сеймъ постановляетъ, что на будущее время король не долженъ закладывать этихъ имѣній безъ согласія (своего) совѣта высшихъ сановниковъ, сената; а чтобы король какъ нибудь не сдѣлалъ этого тайно сеймъ постановилъ, чтобы около короля всегда находилось безотлучно четыре сенатора вельможи. Такъ была ограничена и безъ того ничтожная власть короля.

Такъ и умеръ король Александръ (1506 г.), ничего не успѣвъ сдѣлать нужнаго и полезнаго для бѣдной, измученной страны. Немедленно послѣ его смерти былъ избранъ на польскій престолъ его младшій братъ Сигизмундъ, который до этого времени былъ удѣльнымъ княземъ Силезіи.

А въ Польшѣ его уже ждала война. Великій князь московскій Василій III-й заявлялъ свои права на исконныя русскія земли, бывшія за Литвой.

Нужны были большія силы и средства, чтобы вести войну съ этимъ новымъ могущественнымъ врагомъ, а между тѣмъ въ Польшѣ и дворцовая и коронная казна была настолько пуста, что Сигизмунду, пришлось заложить за шесть золотыхъ свою кухонную посуду!..

Видя такое стѣсненное положеніе короля, шляхта, наконецъ, вняла его голосу и чувству патриотизма и собрала добровольно на нужды войны 70,000 золотыхъ, кромѣ шляхты, было нанято еще небольшое войско охочихъ иноземцевъ, съ которыми Сигизмундъ и повелъ войну съ Москвой.

Война эта продолжалась цѣлыхъ 15 лѣтъ и, несмотря на то, что войска русскія дѣйствовали не всегда умѣло и удачно, Василій III-й захватилъ у поляковъ Смоленскъ съ цѣлой областью и, сколько ни напрягала сила Польша, она не могла отобрать назадъ этого города и по миру, заключенному въ 1522 г., онъ навсегда остался за Москвой.

Причина этой неудачи все въ той же застарѣлой и опасной болѣзни государства—въ равнодушіи большинства шляхты (а вѣдь это сословіе и было вершителемъ судьбы отечества) города и крестьяне не принимали никакого участія къ судьбамъ родины, въ его скупости и нежеланіи нести жертвы для блага и величія своего отечества.

Поэтому, хотя миръ съ Москвой и былъ заключенъ, но спокойствіе въ государствѣ не наступало, слишкомъ очевидны были для всѣхъ сосѣдей Польши ея неустройство и ея слабость, и подызуясь этимъ, ее терзаютъ всѣ, кому только не лѣнь, то громятъ крымцы и турки, то сдѣлаетъ опустошительный набѣгъ господарь Молдавскій, то покажетъ свои злые зубы нѣмецкій орденъ. Такъ и умеръ (1548 г.) старый Сигизмундъ, не увидѣвъ мира и спокойствія въ своемъ отечествѣ, престолъ занялъ его сынъ Сигизмундъ—Августъ. Я сказалъ въ какомъ положеніи было государство въ царствованіе этого короля. А между тѣмъ, какъ въ его время, такъ и во время его сына, шляхтѣ жилось такъ хорошо и привольно, она пользовалась столькими правами и привилегіями, пользовалась такимъ досугомъ и свободой, что этотъ вѣкъ она зоветъ „золотымъ вѣкомъ Польши“, не подозревая, какъ близко за этимъ „золотымъ вѣкомъ“ начинается ея конецъ.

Новый король не менѣе своего отца былъ умный и дальновидный правитель и отлично понималъ, что далѣе такъ дѣло продолжаться не можетъ, что надо перестроить государство, иначе ему грозитъ неминуемая гибель. И онъ энергично взялся за дѣло. Прежде всего онъ издалъ законъ, которымъ отбирались незаконно захваченныя вельможными панами и духовенствомъ имѣнія и возвращались въ казну, этимъ распоряженіемъ онъ сразу приобрѣлъ для государственной казны большія деньги, такъ необходимыя правительству. Вторая мудрая его мѣра—это соединеніе Литвы и Польши на вѣчныя времена въ одно неразрывное государство—Республику, или по польски—Рѣчь Посполитую. Этотъ мудрый актъ произошелъ на сеймѣ въ гор. Люблинѣ въ 1569 г. по слѣдующему случаю.

Король Сигизмундъ—онъ же князь литовскій—дѣтей не имѣлъ, съ нимъ прекращалась династія Ягеллоповъ, а такъ какъ этотъ союзъ (Унія) былъ личный, а не государственный, то съ прекращеніемъ общей для обоихъ государствъ царственной династіи, этотъ союзъ распадался: этого не хотѣли, ни самъ король Сигизмундъ Августъ, ни польское дворянство. Соединеніе обоихъ государствъ произошло такимъ образомъ.

Въ 1569 г. король собралъ въ гор. Люблинѣ общій сеймъ для обоихъ странъ и объявилъ имъ свою волю. Когда литовско-русскіе послы услышали о чемъ идетъ рѣчь, они, боясь за свои земли и за свою народность, отказались подписать унію и уѣхали изъ города. Тогда Сигизмундъ, какъ уполномоченный князь литовскій, своей волей присоединилъ къ Польшѣ Волынь, Украину и Полѣсье. Узнавъ объ этомъ, послы увидѣли, что дальнѣйшее сопротивленіе бесполезно и подписали унію.

Отнынѣ оба государства представляли одно неразрывное цѣлое съ однимъ общимъ сеймомъ, сенатомъ и общимъ королемъ правителемъ.—Литовскіе паны приобрѣта-

ють въ этомъ новомъ государствѣ тѣ же привилегіи и тѣ же права, что и польскіе паны. Столицей новаго государства и мѣстомъ общихъ сеймовъ былъ объявленъ маленькій мозавецкій городокъ Варшава. Сигизмунду II, также, какъ и его отцу, пришлось воевать съ Московскимъ царемъ. Тамъ въ это время былъ талантливый, но жестокій правитель — царь Иванъ Васильевичъ, по прозванію Грозный.

Желая приобрѣсти для своего государства берега Балтійскаго моря, этотъ государь началъ войну съ нѣмецкимъ или какъ онъ теперь звался, Ливонскимъ орденомъ, который загораживалъ Грозному путь къ морю. Могущественный когда то орденъ, не могъ противостоятъ силѣ русскаго царя и распался. Ревельцы поддались шведскому королю, Лифляндію или собственно Ливонію, магистръ (правитель) нѣмецкій уступилъ Польшѣ. Т.е. теперь ужъ русскому царю надо было воевать не только съ орденомъ, но и съ Польшей. Сигизмундъ принялъ подъ свою руку означенныя земли и, желая отстоять ихъ для своего государства, началъ войну съ Московскимъ царемъ.

Въ 1570 году оба государя заключили на три года миръ, по которому земли Ливонскаго ордена оставались за Польшей, Москва на этотъ разъ ничего не добилась.

Въ 1572 г. Сигизмундъ—Августъ умеръ, оставивъ свое государство сравнительно въ благополучномъ видѣ, внутри царили относительный порядокъ и тишина, извнѣ—она пользовалась уваженіемъ сосѣдей, и границы этого государства простирались почти отъ Финскаго залива и немного не доходили до береговъ Чернаго моря. Наслѣдниковъ у короля не осталось и для новаго государства наступило первое безкорольеве.

Для выбора короля со всего государства собрались послы въ Варшаву и здѣсь прежде всего постановили, чтобы оградить на будущее время свои права и вольности отъ будущаго короля, —урѣзать его власть до возможныхъ пре-

дѣловъ. Прежде всего король теперь уже не передавалъ свою власть по наслѣдству, а каждый разъ избирался заново на польскомъ сеймѣ. Значить, монархія дѣлалась выборная и превращалась въ республику.

Безъ согласія сенаторовъ король не могъ, ни жениться, ни разводиться,

Король не могъ выводить ополченія за предѣлы государства больше какъ на три мѣсяца, да и то съ разрѣшенія шляхты.

При королѣ всегда долженъ былъ находиться совѣтъ важнѣйшихъ пановъ сенаторовъ, которые неукоснительно должны были слѣдить за дѣйствіями своего короля.

Т.е. въ Польшѣ установилась самая вредная форма правленія, т. н. олигархія или правленіе немногихъ.

Шляхта торжествовала, не понимая, что такимъ порядкомъ вещей она повергаетъ государство въ бездну несчастій и готовится, какъ себѣ, такъ и родинѣ гибель. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ выборовъ, на престолъ королей польскихъ былъ избранъ герцогъ, Седмиградскій Стефанъ Баторій, тотъ согласился даже на тѣхъ условіяхъ, которые ему поставили и въ 1576 г. принялъ королевскій вѣнецъ. На счастье поляковъ, выборъ ихъ оказался весьма удачнымъ, Стефанъ былъ умный и энергичный правитель и много сдѣлалъ хорошаго для Польши, несмотря на то, что царствовалъ всего 10 лѣтъ. Положеніе государства было очень стѣсненное. Внутри нестроеніе, извнѣ война съ царемъ Московскимъ, который пользуясь смутой въ Польшѣ, забиралъ одинъ городъ за другимъ.

Баторій быстро собралъ ополченіе изъ шляхты и двинулся навстрѣчу рати Московскаго царя.

Походъ этотъ для поляковъ оказался вполнѣ удачнымъ, русскіе, сверхъ ожиданія, оказали слабое сопротивленіе, и скоро Стефанъ отобралъ у Грознаго все то, что онъ завоевалъ и войска Польши обложили Псковъ. Псковичи подъ

начальствомъ славнаго русскаго воеводы князя Ивана Петровича Шуйскаго храбро оборонялись и осада затянулась. Поляки начали испытывать недостатокъ въ припасахъ и снарядахъ и въ странѣ поднялся ропоть. Но и псковичи еле держались. Грозный приунылъ, такъ какъ силы у него были на исходѣ, пришлось итти на миръ (1581 г.) и царь московскій отказался отъ всѣхъ завоеваній; такъ и на этотъ разъ благодаря больше образованности при всемъ взвѣзѣ нестроеніи Польша одержала верхъ надъ Москвой.

Не менѣе удачно справился Стефанъ и съ другими очередными вопросами. Онъ установилъ въ государствѣ коронный трибуналъ, высшее судебное учрежденіе, куда всякій могъ жаловаться, въ случаѣ, если былъ не доволенъ мѣстнымъ судомъ.

Съ султаномъ турецкимъ Баторій умѣло ладилъ и поддерживалъ съ нимъ хорошія отношенія, которыя заключались въ томъ, что Стефанъ всячески удерживалъ днѣпровскихъ казаковъ отъ набѣговъ на турецкія земли, а султанъ сдерживалъ Крымцевъ.

Не задолго до смерти у Баторія появились и другіе широкіе и смѣлые планы. Дѣло въ томъ, что въ Москвѣ умеръ Грозный и престолъ занялъ больной и совсѣмъ слабоумный сынъ его царь Θεодоръ. И Король и шляхта рѣшили воспользоваться этимъ и стали готовиться къ войнѣ съ Москвой, на тотъ случай, если умретъ бездѣтный Θεодоръ и на Москвѣ начнутся смуты, но среди этихъ приготовленій Баторій умеръ, и планами его поляки дѣйствительно воспользовались, но только черезъ 25 лѣтъ, въ лихіе годы безначалія и смуты на Руси.

Царствованіе Баторія—одна изъ блестящихъ страницъ въ исторіи Польши, онъ своими успѣшными войнами, своей мудрой политикой поставилъ имя Польши такъ высоко среди другихъ державъ Европы, что на это государство стали смотрѣть, какъ на первоклассную величину и всѣ старались

завязать съ ней сношенія или заручиться на всякій случай союзомъ.

Но, кромѣ сказаннаго, Батарій сдѣлалъ и еще одно дѣло, за которое одни его хвалятъ, другіе порицаютъ. Это дѣло — дозволеніе іезуитамъ жить въ Польшѣ и вести свою проповѣдь. Это распоряженіе въ скоромъ времени произвело цѣлый переворотъ въ дѣлахъ вѣры. Въ Польшѣ до сего времени и католическая и протестантская и православное исповѣдыванія вѣры мирно уживались и равно процвѣтали; съ водвореніемъ іезуитовъ у поляковъ—католиковъ появляется пренебрежительное и даже презрительное отношеніе ко всякой другой религіи и постепенно начинается стѣсненіе и даже гоненіе всѣхъ инаковѣрующихъ, и особенно православныхъ, такое отношеніе къ другимъ исповѣданіямъ принесло для Польши неисчислимыя бѣдствія и ускорило ея гибель.

Послѣ смерти Батарія на престолъ королей польскихъ былъ избранъ племянникъ послѣдняго Ягеллона Сигизмунда — Августа, шведскій Королевичъ Сигизмундъ. Онъ извѣстенъ въ польской исторіи подъ именемъ Сигизмунда III-го и царствовалъ съ 1587 по 1632 г. Ярый католикъ и даже іезуитъ, онъ пріѣхалъ въ Польшу съ готовымъ планомъ — обратить въ католичество всѣхъ протестантовъ и особенно многочисленныхъ православныхъ Рѣчи Посполитой. Онъ далъ обширныя полномочія іезуитамъ и тѣ принялись за свою работу. Обстоятельства благопріятствовали Сигизмунду. Въ средѣ высшаго православнаго духовенства, которое съ завистью смотрѣло на богатую и роскошную жизнь духовныхъ князей церкви, давно уже зародилось теченіе въ пользу соединенія обоихъ церквей православной и католической подъ главенствомъ папы, но съ русскими обрядами и славянскимъ богослуженіемъ. Такое соединеніе или Унія, не измѣняя церковной обстановки и традицій, дорогихъ сердцу русскаго, совершенно освобождало епископовъ отъ строгаго

надзора Константинопольскаго патріарха, которому въ церковномъ отношеніи была подчинена православная церковь въ Польшѣ, а главное отъ отчета передъ „братствами“ (выборные отъ общества прихожанъ) которые слѣдили за поведеніемъ и нравственностью православнаго духовенства.

Не смотря на полное нежеланіе и протесты большинства русскихъ, унія совершилась въ Брестѣ въ 1596 г. къ великой радости Сигизмунда, не подозрѣвавшаго, какія не исчислимыя и вредныя послѣдствія будутъ для Польши отъ этой уніи. И съ царствованія этого короля, а главнымъ образомъ съ этого знаменательнаго факта судьба и исторія Россіи и русскаго народа такъ тѣсно переплетаются между собою, что до самаго конца Польши составляютъ почти одно неразрывное цѣлое.

Дѣло въ томъ, что унія принята была не всѣми русскими, правда, большинство православнаго дворянства легко переходило въ унію, а оттуда незамѣтно въ католичество, но часть духовенства и большинство крестьянства и мѣщанства остались крѣпки вѣры отцовъ. Таковыя теперь ужъ считались не только за схизматиковъ—еретиковъ, но и за (государ.) ослушниковъ воли короля и митрополита, который и самъ принялъ унію, и вотъ начинается долготнее и упорное стѣсненіе и даже преслѣдованіе православныхъ.

Раньше у крестьянства съ православнымъ помѣщикомъ отношенія были еще сносныя, теперь помѣщикъ, сдѣлавшись католикомъ, а затѣмъ и полякомъ сталъ для простолюдина совсѣмъ чужимъ. Отчужденіе, презрѣніе и даже жестокость стали наблюдаться въ отношеніяхъ русскаго помѣщика къ своему мужику. Про поляковъ и говорить нечего. Тѣ на своихъ крестьянъ — поляковъ смотрѣли, какъ на „быдло“, какъ на рабочую скотину, а русскихъ мужиковъ схизматиковъ, полякъ помѣщикъ почти и за людей не считалъ. Не желая имѣть дѣла съ презрѣнной чернью, съ этимъ грязнымъ „быдломъ“ они отдавали свои деревни,

свои земли, поселенные крестьянами, на откупъ евреямъ— арендаторамъ, и тѣ выжимали изъ бѣднаго селяка послѣдніе соки, послѣднія силы. Жаловаться было некуда, да и некому—да и напрасно, вѣдь мужикъ былъ еретикъ и почти внѣ закона. Что было дѣлать?.. Кто могъ терпѣль, болѣе смѣлые и предприимчивые бросали все, бѣжали въ дикую степь на днѣпровсіе пороги, въ казаки (вольный человекъ) тамъ они составили цѣлую военную республику запорожскую съчь и, вооружившись, возвратившись назадъ, но уже сплоченные въ тысячные ватаги, злобные и мстительные, подымали за собой недовольное крестьянство и безпощадно истребляли своихъ враговъ, ивреевъ, помѣщиковъ. Правда, эти возстанія въ концѣ концовъ подавлялись со страшной жестокостью, но государство то отъ нихъ слабѣло и неуклонно шло къ своей гибели.

Таковы были послѣдствія церковной уніи.

Такимъ же плохимъ и недальновиднымъ политикомъ оказался Сигизмуидъ и въ другихъ своихъ государственныхъ начинаніяхъ.

Я уже говорилъ выше, что Сигизмуидъ былъ наслѣдникомъ шведскаго престола; послѣ смерти своего отца онъ отправился въ Швецію и короновался тамъ шведской короной; но шведы, въ массѣ своей уже протестанты не любили своего новаго короля яраго католика, и Сигизмундъ, видя, что ему не удержать въ своихъ рукахъ отцовскаго наслѣдства, оставилъ вмѣсто себя замѣстителя и поспѣшилъ вернуться въ Польшу, а шведы объявили его низложеннымъ.

Но Сигизмундъ не могъ съ этимъ примириться и начинаетъ со Швеціей за свои права на престоль долгую и разорительную войну. Война эта кончилась ничѣмъ, ни Сигизмундъ, ни Польша отъ нея ничего, кромѣ разоренія не получили, но она надолго испортила отношенія между обоими государствами. Также недальновидна и чревата тя-

желыми для Польши послѣдствіями была и третья его за-
тѣя, его закулисное участіе въ судьбѣ Лжедмитрія и въ
подготовкѣ смуты на Руси.

Напрасно такіе честные и талантливые люди, какъ Янъ
Замойскій, канцлеръ польскій, старались удержать короля и
близкихъ ему людей отъ этого темнаго дѣла, предостерегая,
что это къ добру не поведетъ. Напрасно, король Сигизмундъ
былъ непреклоненъ въ своемъ рѣшеніи прибрать къ ру-
камъ Россію и обратить ее въ католичество, сначала при
помощи Лжедмитрія, а когда это не удалось, при помощи
сына своего Владислава. Но русскій народъ въ тяжелую
минуту жизни оказался такимъ стойкимъ и самоотвержен-
нымъ, что у Сигизмунда не хватило силъ ни покорить
его, ни обратить въ католичество. Однако Сигизмундъ,
пользуясь всеобщимъ замѣшательствомъ на Руси, захватилъ
Смоленскъ съ областью, сынъ его удержалъ титулъ царя
Московскаго; все это принесло мало пользы Польшѣ, но
вырыло глубокую нравственную пропасть между обоими
славянскими народностями и было источникомъ многократ-
ныхъ и разорительныхъ войнъ между обоими государствами.

Не лучше шли дѣла и внутри государства. Шляхта окон-
чательно потеряла всякое уваженіе къ королю, закону и
гражданскому порядку и болѣе всего цѣнила свою честь
и свою „золотую свободу“, а такъ какъ эти понятія
каждый толковалъ по своему, то и въ сеймѣ и въ сенатѣ
шли нескончаемыя ссоры и распри. Крупные богатые паны
магнаты выбирали и прикармливали въ своихъ богатѣй-
шихъ имѣніяхъ сотни мелкой бѣдной шляхты и при помо-
щи ихъ вели цѣлыя войны другъ съ другомъ.

Король Сигизмундъ, побужденный нѣкоторыми благо-
мыслящими патріотами, задумалъ было провести въ жизнь
нѣкоторые реформы, между прошлымъ, уничтожить пре-
снуютое „liberum veto“ („не позволяю!“) при помощи кото-
раго одинъ членъ сейма, своимъ несогласіемъ съ осталь-

ными членами могъ сорвать сасѣданіе палаты. Однако шляхта воспротивилась и подняла цѣлое возстаніе противъ короля, и междуусобная война длилась болѣе года, и хотя она кончилась поражениемъ бунтовщиковъ, но провести въ жизнь нужные реформы королю все-таки не удалось.

Пользуясь такой анархіей въ Польшѣ правитель Бранденбургскій договоромъ 1618 г. добился отъ короля Сигизмунда уступки себѣ черезполосной (ихъ раздѣляло устье Вислы съ узкой полосой земли) Пруссіи, населенной остатками Нѣмецкаго Ордена и бывшей долгое время въ ленной зависимости отъ польской Короны. Съ этихъ поръ обѣ эти области стремятся соединиться въ одно цѣлое.

Въ такомъ положеніи оставилъ Сигизмундъ свое государство. На престолъ польскій былъ избранъ его сынъ Владиславъ — 1633 г. Внутреннее положеніе государства оставалось тоже самое—безначалье, внутреннія несогласія и ссоры пановъ, полный застой въ дѣлахъ, такъ что поляки даже стали хвастать, что „Польша стоитъ безпорядкомъ“. Но это, конечно, была неправда, такъ жить Рѣчь Посполитая могла до тѣхъ поръ, пока сосѣди были заняты своими дѣлами и имъ было не до Польши. Но лишь покончили они со своими дѣлами, какъ въ первую голову ими былъ поставленъ вопросъ о существованіи этой странной республики. Такъ уже московское царство, несмотря на страшную десятилѣтнюю смуту, которую оно пережило, благодаря единенію и самопожертвованію своихъ гражданъ, довольно быстро оправилось отъ своихъ тяжелыхъ ранъ подъ управленіемъ новоизбраннаго молодого царя Михаила Ѳедоровича Романова, и въ 1634 г. уже попробовала отобрать назадъ у Польши потерянные области, правда, это Москвѣ не удалось, но она все же добилась того, что Владиславъ отказался отъ титула московскаго царя и хоть съ этой стороны Русь избавилась отъ польской опасности.

А внутри безпорядки и смута шли своимъ чере-

домъ. Подлая работа іезуитовъ не прекращалась, не прекращались и волненія за вѣру; шляхта отъ бездѣлья, отъ отсутствія всякихъ общественныхъ обязанностей совсѣмъ одичала и утратила всякое чувство патріотизма и гражданскаго долга. Она только знала три нетрудныхъ дѣла—шумѣть на сеймѣ, охотиться и бражничать, и безпощадно вымогала всѣ соки ихъ своихъ крестьянъ.

Происходитъ цѣлый рядъ кровавыхъ возстаній казачковъ и крестьянъ подъ начальствомъ Павлюка, Наливайки и др. за лучшее существованіе, однако шляхетское войско жестоко ихъ подавляло и усмиряло, и „чернь“ повидирому сдалась. Только не надолго. Въ 1648 г. разражается новое и на этотъ разъ болѣе серьезное возстаніе казачковъ и крестьянства подъ начальствомъ Богдана Хмельницкаго. Въ борьбу вмѣшивается московскій царь Алексѣй Михайловичъ и шведскій король и Бранденбургъ, и Польша отъ края до края наводняется непріателемъ, ея новый король Янъ-Казимиръ (1648 - 68 г.) бѣжитъ изъ своего государства и Рѣчь Посполитая дѣлается добычей побѣдителей.

Только благодаря тому, что побѣдители поссорились изъ-за дѣлежа завоеванныхъ земель, Польша уцѣлѣла, но все же она вышла изъ этой борьбы сильно сокращенная. Москвѣ она уступила Смоленскъ, Черниговъ, и всю лѣвобережную Украину съ Кіевомъ. Швеціи она отдала часть Лифляндіи по Двинѣ, а для герцога Бранденбургскаго навсегда отказалась отъ Пруссіи. Къ такимъ результатамъ привела польшу преступная безпечность и нерадѣніе шляхты. Но и послѣ этого страшнаго урока польское дворянство не образумилось и продолжало ту же разгульную, веселую жизнь.

Однако на закатѣ своего существованія Польша еще разъ напомнила (Европѣ) о себѣ и заставила говорить всю Европу о своихъ подвигахъ. Я говорю о царствованіи короля Яна Собѣскаго (1674—696). Замѣчательный патріотъ

и, можно сказать, одинъ изъ первыхъ славянофиловъ, онъ заключилъ съ Россіей вѣчный миръ и искалъ на западѣ союзниковъ для изгнанія турокъ изъ Европы и освобожденія отъ османскаго ига балканскихъ славянъ. Но эти союзники не нашлись, и когда Турція начала войну съ Австріей, онъ одинъ ринулся на помощь ей и нанесъ туркамъ страшное пораженіе подъ стѣнами Вѣны въ 1683 г., чѣмъ навсегда подарвалъ престижъ непобѣдимости турокъ и положилъ конецъ ихъ могуществу въ Европѣ.

Этого грандіознаго плана Собѣсскому осуществить не удалось, но его полностью воспріялъ Петръ Великій и завѣщалъ своимъ преемникамъ, Екестерина II-я начала проводить его въ жизнь, но тоже не успѣла. Освобожденіемъ Болгаріи Александръ II-й планъ Собѣсскаго осуществилъ наполовину и только наше поколѣніе рѣшило, наконецъ, окончательно покончить съ этимъ вопросомъ и осуществить великій планъ славнаго польскаго короля.

И эти планы и эти подвиги правителя Рѣчи Посполитай въ сущности съ малыми средствами показываютъ, какъ много творческихъ силъ копилось въ этомъ народѣ и какъ они втунѣ пропали. Теперь посмотримъ, какъ польскій народъ отблагодарилъ своего короля и полководца зато, что онъ первый сломилъ наконецъ, страшнѣйшаго врага Европы и особенно Польши. А вотъ какъ, когда король привелъ своего сына въ сеймъ, и посадилъ его рядомъ съ собой, то шляхта громко начала кричать, что король не имѣетъ права приводить своего сына въ сеймъ и сажать его рядомъ съ собой, такъ какъ сынъ короля не членъ сейма и такъ какъ престолъ въ Польшѣ не наследственный, а избирательный и т. д.

Шляхта болѣе всего боялась упаденія своихъ правъ и покушенія на свою золотую свободу. А въ поведеніи короля она именно увидѣла посягательство на свои права!.. Въ 1696 г. Янъ Собѣсскій умираетъ и на престолъ из-

бирается при помощи и поддержкѣ пословъ Россіи правитель Саксоніи Августъ II-й. Его полководецъ графъ Потоцкій успѣшно продолжалъ войну съ Турціей разбилъ турокъ и вернулъ себѣ правобережную Украину, уступленную Польшей во время войнъ съ Хмельницкимъ и царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Но это, можно сказать, былъ ея послѣдній успѣхъ, ея лебединая пѣсня, и весь XVII вѣкъ это вѣкъ угасанія Рѣчи Посполитой.

Уже въ конецъ XVII в., каждое сосѣднее государство подарками и подкупамъ пріобрѣтало себѣ партію, при помощи которой и старалось проводить полезныя для себя рѣшенія. Такъ появились партія австрійская, французская, бранденбургская и русская, а многія магнаты дошли до того, что не стыдились даже получать постоянную пенсію отъ соотвѣтствующихъ государствъ.

Всѣ эти партіи ссорились, дрались между собою и безъ преувеличенія можно сказать продавали открыто чужеземцамъ свое отечество. Такъ продолжалось до вступленія на московскій престолъ Петра Великаго, съ этихъ поръ русская партія беретъ въ Польшѣ окончательный перевѣсъ надъ всѣми другими, русское вліяніе дѣлается господствующимъ и судьба ея такъ тѣсно сливается съ судьбой Россіи, что исторія Польши дѣлается можно сказать исторіей Россіи.

А въ это время у Польши выросъ новый могущественный врагъ ея бывший вассаль правитель Бранденбурга и Пруссіи; пользуясь тѣмъ, что республика съ начала XVIII в. была занята войной съ Швеціей, онъ провозгласилъ себя королемъ и настойчиво сталъ подавать Петру В. мысль раздѣлить Польшу между Россіей и Пруссіей, но Петръ отвергъ это предложеніе, т. к. Польша не мѣшала Россіи и была въ тѣсномъ союзѣ съ Москвой. Вліяніе Россіи на дѣла Польши не прекращалось и при преемникахъ великаго преобразователя. Благодаря поддержкѣ русскаго правительства былъ возведенъ Августъ III-й саксонскій, сынъ Августа II-го,

а также и послѣдній польскій король Станиславъ Понятовскій.

Внутреннее разложеніе шляхты дошло до невѣроятныхъ размѣровъ изъ 18 сейлимовъ при Августѣ II-мъ только 5 кончились благополучно, за тридцатилѣтнее царствованіе Августа III-го только одинъ закончился благополучно. То же явленіе при Понятовскомъ.

Въ судахъ, въ администраціи, въ финансахъ полный застой и запустѣніе и только іезуиты бодрствовали и не покладали рукъ, и никогда нетерпимость и фанатизмъ католическаго духовенства не достигали такого размѣра, какъ въ этотъ періодъ, и здѣсь даже вліяніе православной Россіи было безсильно. Екатерина, наконецъ, потребовала отъ Польши уравненія въ правахъ православныхъ съ католиками. Поляки отказали. Произошла война и русскіе войска вступили на территорію Польши. Здѣсь король Прусскій опять предложилъ Россіи раздѣлить Польшу и не дожидаясь согласія Екатерины, занялъ польскія земли. Австрія также Екатеринѣ должна была уступить. Произошелъ первый раздѣлъ Рѣчи Посполитой въ 1774 г., въ 1793 г. 2-й и въ 1795 г. третій и послѣдній раздѣлъ Польши, Россіи досталось отъ Польши: Бѣлоруссія, Литва, Курляндія и Волынь, остальные польскія земли были подѣлены между Пруссіей и Австріей, которая захватила въ свои руки часть Польши съ Краковомъ и русскую область Галицію. Пруссія захватила Познань и устье Вислы.

Такъ окончилъ свое политическое существованіе этотъ даровитый, но безпечный народъ, и Польша погибла благодаря своему безначалію, а подъ конецъ и настойчивымъ, наглымъ проiscaмъ вѣчныхъ и безпощадныхъ враговъ славянства австрійцевъ и нѣмцевъ.—Нынѣ надъ угнетенной Польшей и надъ всѣмъ остальнымъ зарубежнымъ славянствомъ загорается свѣтлая заря возрожденія и славяне, вмѣстѣ съ остальнымъ культурнымъ міромъ горячо вѣрятъ, что

имъ, наконецъ, удастся освободиться отъ всяческаго гнета своихъ вѣковыхъ враговъ и угнетателей, каковыми на протяжении почти всей тысячелѣтней славянской исторіи являлись нѣмцы.

В. П. Пожидаевъ.

Объявленіе.

Розыгрышъ билетовъ **ВЫСОЧАЙШЕ** разрѣшенной благотворительной лотереи 1914 года въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, семей лицъ, призванныхъ на войну, и лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ дѣйствій, будетъ производиться публично, въ Петроградѣ, въ помѣщеніи гимназіи Императора Александра I (Казанская ул., 27) Совѣтомъ Государственнаго Банка, въ присутствіи одного изъ членовъ Комитета лотереи и депутатовъ отъ Петроградскихъ: дворянства, губернскаго земскаго собранія и городского общественнаго управленія.

Розыгрышъ билетовъ 1-го выпуска (зеленыхъ) начнется 1 іюня с. г., а билетовъ 2-го выпуска (розовыхъ)—20-го іюня с. г.

Продажа билетовъ прекращается всюду 15-го мая с. г., за исключеніемъ конторъ и отдѣленій Государственнаго Банка и Казначействъ, гдѣ билеты обоихъ выпусковъ будутъ продаваться съ 15-го мая по 27-е мая с. г., включительно.

Цѣна билета—5 р., а одной пятой части билета—1 р.

Выигрыши—отъ 100.000 р. до 200 р.

Всего выигрышей 8.668 на сумму 3.000.000 р.

СОДЕРЖАНІЕ: *Оффициальная часть:* Распоряженія Святѣйшаго Синода.—Распоряженія Епархіального Начальства.—Назначенія, перемѣщенія.—Архипастырское благословеніе.—Присоединенія къ православной церкви.—Письмо командующаго 2-мъ Горско-Моздокскимъ полкомъ Терскаго казачьяго войска на имя Его Преосвященства,

Неоффициальная часть:—Жизненность христіанскаго нравственнаго идеала при его безконечности, свящ. А. Богоявленскаго.—Поученіе въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Николая Александровича, прот. І. Завитаева.—Пѣсня С. К.—Религіозная жизнь на войнѣ. Богослуженіе.—Славяне и ихъ исторія. Краткій очеркъ. (Окончаніе) Поляки, В. П. Пожидаевъ.—Объявленіе.

Печатать разр. 15 Мая 1915 г. Цензоръ протоіерей Д. Дьяченко.
